Подкидыш для депутата. Выбор сердца

Автор:
Вероника Лесневская

Подкидыш для депутата. Выбор сердца

Вероника Лесневская

Лже-Невесты #6

– Хочешь сказать, что это мой ребенок? – выдыхает Дима мне прямо в губы. – Думаешь, я настолько глуп, чтобы поверить на слово? Я сделаю тест на отцовство.

– Без проблем, – твердо выдаю в ответ. – В любой момент, чего зря время терять.

Смотрю смело и уверенно в его медовые глаза. У малышки такие же.

– Ты понимаешь, что если родство не подтвердится, я тебя… – изображает какой-то непонятный жест свободной рукой, но несложно догадаться, что имеется ввиду.

– Подтвердится, – говорю убедительно. – Это твоя дочь, и…

– Хватит! – поднимает ладонь, останавливая меня. – Я тебя не помню даже.

***

Когда-то он разрушил мою жизнь, забрал любовь. А спустя время даже не узнал меня. Но я ничего не забыла. И никак не могла предугадать, что однажды нам с Машенькой потребуется его помощь…

Вероника Лесневская

Подкидыш для депутата. Выбор сердца

Выбор первый. Глава 1

Екатерина

Шаг – и замираю на крыльце двухэтажного особняка. Растерянно вглядываюсь в его фасад, украшенный декоративными колоннами и вычурной лепниной. Все здесь буквально дышит роскошью, словно вопит каждому прохожему: «Мы богаты, а вы – грязь под нашими ногами».

Впрочем, зная хозяина этого великолепия, я бы поспорила, кто именно грязь…

Переминаясь с ноги на ногу, слегка подкидываю полугодовалую малышку на своих руках, устраивая поудобнее. Ведет она себя на удивление тихо, с интересом рассматривая узоры на массивных резных дверях из натурального дуба.

Мне нужно пару секунд, чтобы собраться с мыслями…

И еще чуть-чуть…

Не знаю, сколько бы я оттягивала неизбежное, но сгиб локтя, на котором держу ребенка, немеет от тяжести и неудобного положения.

В сотый раз гипнотизирую взглядом имя, выведенное на ладони шариковой ручкой.

Дмитрий Щукин.

Хотя я и так знаю его наизусть. Каждая буква прочно врезалась в мою память еще тогда…

Яростно вытираю ладонь о ткань своего красного платья, соблазнительно облегающего и подчеркивающего все прелести фигуры.

Сердце пронзает уколом: узнает ли он меня?.. Но я спешно отгоняю прочь ненужные мысли!

Порывисто чмокаю малышку в носик и, поправив розовый чепчик, шепчу: «Мы немного поиграем, но это должно остаться нашим с тобой секретом, хорошо?» Девочка будто действительно понимает меня и улыбается, щурясь от яркого летнего солнца.

Пытаясь прогнать оцепенение, я встряхиваю волосами, безнадежно испорченными каштановой краской. Пришлось убить в себе блондинку. Но так было нужно…

Свободную руку подношу к двери – и отстукиваю костяшками ритм. Громко и быстро. Чтобы не передумать.

По ту сторону деревянной панели подозрительно тихо. Начинаю переживать не на шутку: неужели зря приехала?! Но слышу неторопливые шаги.

Через минуту на пороге появляется высокий широкоплечий мужчина в шортах и футболке, обтягивающей крепкий торс. Неплох. Правда, только внешне…

Хозяин дома проводит рукой по своим взъерошенным черным волосам, а потом устремляет медовые глаза на нас с малышом.

И просто застывает…

Хочешь прикинуться живой статуей, дорогой? Не выйдет!

– Доченька, познакомься с папой, – звонко выдаю я приторно-сладким голосом, обращаясь будто бы к малышке, хотя мои слова адресованы далеко не ей. – Папочка, это Маша! Маша, это папочка!

После паузы раздается сдавленный хрип. А вслед за ним – надрывный кашель. Курить надо меньше, дорогой. Дыхалка тебе со мной еще пригодится!

Подняв взгляд на Диму, едва не давлюсь смехом, увидев его круглые от шока глаза. Кажется, вот-вот выпадут, хоть ладошку подставляй и лови.

Оттолкнув плечом негостеприимного хозяина, влетаю внутрь дома. Нагло цокаю каблучками по идеальному глянцевому полу и останавливаюсь ровно посередине просторного холла. Здесь акустика лучше!

Набрав полные легкие воздуха, потому что мое соло отрепетировано для широкого круга аудитории, поспешно выплевываю:

– А это твой дом, Маша, – чеканю четко, игнорируя еще более истошный кашель за своей спиной. – Здесь мы будем жить. Да, папочка? – контрольный выстрел прямо в многострадальную голову Димы.

Дверь справа от меня резко открывается, и я вздрагиваю от неожиданности. Из комнаты степенно выплывает интеллигентная женщина средних лет в строгом брючном костюме терракотового цвета. Она неторопливо поправляет свою и так идеальную прическу, убирая платиновый локон за ухо и вскользь касаясь золотой сережки с бриллиантами – их-то я ни с чем не перепутаю.

Не проронив ни слова, женщина скользит по мне надменным лазурным взглядом, а потом вопросительно смотрит на Диму.

Быстро прикинув в голове все возможные варианты их родственных связей и выбрав единственно верный, я подбегаю к важной даме. Пока та не успела опомниться, с противным чмоком касаюсь ее щеки губами, оставляя на гладкой бархатной коже след от морковно-красной помады.

– Ма-ама! – с деланной радостью кричу ей в ухо, и кажется, даже бриллианты в ее сережках звенят от звука моего голоса. – Маша, познакомься с бабушкой, – перевожу взгляд на ребенка.

Малышка мгновенно строит гримасу, от которой ничего хорошего ждать не приходится, – и в следующую секунду раздается громкий плач. «Сирена» быстро

распространяется по полупустому холлу, отражаясь от стен и резонируя. Кажется, что здесь рыдает целая орава детей, а не одна милая девочка.

– Тш, тш, Маша, – покачиваю ребенка на руках, но на самом деле не собираюсь успокаивать.

За время, что мы вместе, я выявила особый подход к малышке, но сейчас намеренно им не пользовалась, потому что мне нужно было вывести из равновесия этих снобов. Прости, Маша, надеюсь, это тоже останется между нами.

Результат не заставляет себя долго ждать. Важная мадам кривится и закрывает уши ладонями, при этом бросая с пренебрежением:

– Дима, это что?

Но мужчина все еще не отошел от шока. Он так и стоит на пороге собственного дома, будто стесняясь войти, и не сводит с нас изумленных глаз. Следует отдать должное, от истошного крика Маши Дима даже не поморщился, словно и не произошло ничего.

Надо бы моему будущему мужу слух проверить, а то мало ли…

Решив, что для первого знакомства впечатлений достаточно, нащупываю пяточку Маши и нежно поглаживаю подушечками пальцев. Малышка постепенно умолкает, прислушиваясь к своим ощущениям. Не знаю, в чем секрет, но этот метод всегда работает исправно.

– Эльвира, побудь с ребенком! – очнувшись, приказывает Дима надменной женщине.

Надо же, я думала его нескоро «отпустит». Стойкий оказался. Сразу видно, деловой человек. Только почему он зовет мать по имени? Или я что-то не так поняла.

Впрочем, причуды этой семейки меня не касаются!

Не спешу отпускать малышку, потому что будущая свекровь, или кем она мне приходится, явно не в восторге от знакомства.

– А ты, – грозно рычит на меня Дима. – Ко мне! На разговор!

И разворачивается, направляясь к кабинету. Привык на работе всем указывать, хозяин жизни!

Быстро оцениваю обстановку, выбирая наиболее безопасное место для Маши, а потом гордо и уверенно шагаю в спальню Эльвиры. Оставляю малышку на пушистом ковре: здесь она не упадет, не ударится, да и забраться сильно некуда.

– Просто смотрите, чтобы Маша никуда не влезла, – из моих уст звучит как приказ, но на самом деле сказывается волнение.

– Да как ты смеешь, пигалица? – шипит гадюкой Эльвира. – Надеюсь, он вышвырнет тебя вон!

– Меня зовут Екатерина, – дерзко вздергиваю подбородок. – Если не запомните, то запишите. А то возраст, я все понимаю.

Удаляюсь под шумное фырканье женщины. Намеренно оставляю двери приоткрытыми, чтобы приглядывать за малышкой. Из Эльвиры нянька явно неважная получится.

В кабинете меня уже ждет Дима. Стоит, сложив руки в карманы. Смотрит на меня, словно бык на красную тряпку, даже ноздри раздуваются. Хорошо хоть пар из ушей не валит.

Он в ярости и растерянности одновременно. Значит, все-таки допускает вариант, что мог обзавестись наследником.

– Ночной клуб «Элит»… Пятизвездочный отель «Президент»… Маше полгода. Считать не разучился? – бросаю отрывистые факты, намекая на наше знакомство и первую совместную ночь.

Дима напряжен, в глазах – сомнения вперемешку с испугом. Мысленно подсчитывает сроки, а я заранее знаю, что все сходится. Неужели я бы явилась сюда просто так?

– Дима?..

Мужчина взмахивает рукой, намекая, чтобы я заткнулась. Но я не собираюсь слушаться его. Надо дожимать!

– Я думала, ты будешь рад нам, – сглатываю судорожно. – Я же до сих пор люблю тебя, глупый, – шепчу с придыханием, и саму чуть ли не тошнит от наигранности моих же слов.

Однако на Диму действует этот банальный прием. Он застывает, изумленно округлив золотисто-карие глаза, и даже дышать прекращает.

Пользуясь его замешательством, подхожу ближе и, схватив руками за футболку, притягиваю мужчину к себе, впиваясь в его губы. Долго уговаривать Диму не приходится.

Этот мужчина безотказно реагирует на три Ж: женщина, живая, желание утоляющая.

Поэтому холодные руки Димы нетерпеливо ложатся на мою талию, а поцелуй углубляется, душит меня и пожирает. Замираю и про себя считаю до десяти. Мужские ладони спускаются ниже и умело скользят по моим бедрам, каждым касанием посылая мелкие разряды тока. Опытный соблазнитель, и от этой мысли становится обиднее.

Прерываю поцелуй, касаюсь губами гладко выбритой, но шершавой, грубой щеки. Прижимаюсь плотнее к явно натренированному телу.

– Завтра мы перевезем вещи, – нарочито нежно шепчу Диме на ухо, обхватывая губами мочку. – Поможешь нам? – веду язычком вниз по шее.

Реакция, как я и ожидала, запоздалая. Дима отодвигается, как в замедленной съемке, с трудом переводя дыхание, потом треплет свои волосы и, наконец,

сурово смотрит на меня. Но во взгляде все еще переливается патока желания. Животное – оно и в депутатском кресле животное!

– Какие вещи? – рявкает он, одумавшись. – Ты совсем ох… – косится на приоткрытую дверь, через проем которой видно Машу, и продолжает тише, словно та может подслушать и что-то понять. – Очумела? Заявляешься сюда с ребенком…

Прерываю его поток сознания, уложив пальчик на тонкие губы. Цокаю язычком неодобрительно и качаю головой.

– Не выражайся при дочери, – произношу нараспев, отчего Дима мрачнеет еще больше. – Раз уж ты не рад нам, то мы просто уйдем.

Пожимаю плечами и закусываю нижнюю губу, на которую тут же опускается жадный взгляд Димы. Животное! Впрочем, для меня это уже не новость!

Совладав с собой, мужчина возвращается к моим глазам и усмехается победно. Рано радуется!

– Что, и даже чаю не попьете? – бросает ехидно, и в этот момент хочется залепить ему пощечину, чтобы убрать эту мерзкую улыбку с лица, но я сдерживаюсь. – Так я вас провожу.

Указывает рукой на дверь, будто пропуская. Любезно, галантно… Лицемер!

Разворачиваюсь на каблуках и делаю пару шагов к выходу, но на пороге бросаю небрежно:

– Думаю, прессе будет интересно узнать, как кандидат в депутаты Дмитрий Щукин выбросил за дверь собственного ребенка.

Еще один крохотный шажок и останавливаюсь, ожидая реакции. Слышу тяжелое дыхание позади – и взрыв!

Чувствую грубую хватку на своем локте, а потом меня проворачивают вокруг своей оси. Едва не теряю равновесие, из-за чего вынуждена вцепиться в

накачанные плечи Димы. Было бы проще, если бы он оказался толстым и обвисшим! Неправильный депутат!

Щукин перекладывает ладонь на мой затылок и больно сжимает волосы. От мужчины пахнет злостью и отчаянием. А еще зерновым кофе и благородным парфюмом. Никакого привкуса табака. Все же я была не права: он не курит.

– Думаешь, я настолько глуп? – рычит мне прямо в губы. – Я сделаю тест на отцовство, и полетишь ты после этого…

– Без проблем, – твердо выдыхаю я. – Хоть сейчас, чего зря время терять.

Смотрю в его медовые глаза смело и уверенно.

– Ты понимаешь, что если родство не подтвердится, я тебя… – изображает какой-то непонятный жест свободной рукой, но несложно догадаться, что имеется ввиду.

– Подтвердится, – выдыхаю ему в лицо и, проведя пальчиками по пылающей от злости щеке, лепечу. – Я же ни с кем, кроме тебя…

– Хватит! – поднимает руку, останавливая мои «любовные признания». – Я тебя не помню даже, – на этих словах я расслабленно выдыхаю.

Опомнившись, отстраняюсь от Димы и прячу лицо в ладони. Делаю вид, что содрогаюсь в безутешных рыданиях. А сама то ли смеюсь, то ли от нервов бьюсь в истерике. Не важно, главное, чтобы выглядело правдоподобно.

– Трындец какой-то! – рявкает Дима обреченно.

Глава 2

Дмитрий

В кабинет залетаю вихрем, игнорируя блеяние секретарши в приемной. Лизонька, конечно, создание прелестное, но сегодня даже она бесит. Со всей дури, а ее у меня накопилось немало, хлопаю дверью – и тут же слышу, как снаружи что-то падает со звяканьем.

Возвращаюсь и случайно наступаю на серебристую табличку с надписью «Заместитель председателя горсовета Дмитрий Щукин», оставляя пыльный след на своем же имени. Символично, но я не верю в знаки. Выругавшись про себя, поднимаю проклятую «железку», которая слетает не в первый раз, и поспешно креплю ее на место.

Криво. Да и хрен с ней. Если все пойдет по плану, то скоро я сменю табличку. А вместе с ней кабинет… и город.

Довольно хмыкаю, немного успокаиваясь, но слух пронзает тонкий голосок Лизоньки:

– Дмитрий Николаевич, у вас прием граждан через полчаса, – визжит она и протягивает мне бумаги. – Вот список имен и вопросов…

Окидываю секретаршу долгим взглядом. Медленно скольжу от идеально стройных ног к осиной талии, переключаюсь на миниатюрную грудь и, прокашлявшись, поднимаюсь к кукольному личику, обрамленному платиновыми локонами. Умеет же наш глава Алексеев персонал подбирать, хвалю! Жаль, у меня принцип – не заводить интрижек на работе. Карьеру и личное следует разграничить, иначе жди беды.

В противном случае я бы… Как назло эта блондинка четко в моем вкусе. Впрочем, кого я обманываю? Мои предпочтения непостоянны и вполне демократичны. Главное, чтобы это была не дерзкая шатенка с дьявольским огнем в глазах и ребенком на руках.

Вспоминая об утренней гостье, злюсь и еле сдерживаю себя от взрыва. Грубо выхватываю у Лизы документы и, стараясь не смотреть, как она испуганно округляет свой рабочий ротик, скрываюсь в кабинете.

Хочется выбросить из головы образ той шатенки, но не выходит. Она словно насмехается надо мной! Как ее зовут? Екатерина? Хотя зачем мне запоминать

имя прохвостки, которая совсем скоро вылетит из моего дома, как пробка из бутылки взболтанного шампанского.

Признаться, я бы выгнал ее сразу… смачным пинком аккурат под то место, которым она думала, рожая от меня или от кого бы там ни было. Но угораздило же Екатерину появиться как раз в разгар моей предвыборной кампании. На кону – не только карьера, а жизнь, сытая и комфортная. И мне не нужны пятна на репутации! Тем более, их у меня и своих хватает.

Именно поэтому я оставил Екатерину с отпрыском в доме. Временно. Под надзором матери. Эльвира, конечно, была не в восторге, но выбора не оставалось. Мне срочно необходимо было на работу, а охрана в моем доме ограничивается сигнализацией и тревожной кнопкой, что вряд ли остановит Екатерину в случае, если она мошенница.

Никаких «если»! Конечно, мошенница и лгунья! Но мне нужны доказательства…

А ведь я даже не помню эту бабу. Нет, безусловно, забывать женщин-«одноночек» мне свойственно. Но не до такой же степени! При взгляде на Екатерину в голове просто белый шум. Ничего. Никаких зацепок.

Я был настолько пьян? Теоретически, не исключено… Черт!

То, что я действительно находился в том злополучном ночном клубе, а потом в отеле – это факт. Был там не один? Возможно. Но забыть о предохранении не мог – слишком я брезгую, боюсь подхватить что-нибудь. Да-да, и даже в бессознательном состоянии я на автопилоте буду «защищаться». Вряд ли с Екатериной оборона дала трещину. Нет в этой женщине ничего такого, чтобы ослепить и покорить, срывая крышу. Тем более, меня…

Нет, тут что-то нечисто. И я обязательно выясню, что! Чем скорее, тем лучше!

Список граждан летит на стол, а в моих руках появляется мобильный. Поспешно выбираю контакт, к которому зарекся обращаться только в крайнем случае. Но, кажется, он настал!

– Привет, Влад, – пытаюсь придать своему тону непринужденности, но получается хреново.

– Дима, что ты хочешь? – резко перебивает, холодно и властно, как он умеет.

Отношения с кузеном у нас, мягко говоря, не заладились. Точнее, из нас вышли идеальные враги, но не родственники. И, видит бог, я старался пойти на сближение. Правда, до этого увел у Влада невесту, но она оказалась той еще стервой. Так что, по факту, помог кузену, рискуя собой. Потом его фиктивную жену соблазнить пытался – та крепким орешком держалась, не поддалась. Считай, провел ей проверку на верность. Причем, заметьте, совершенно бесплатно. Где же благодарность?

А если серьезно, то моему поступку есть оправдание. Влад пытался всеми правдами и неправдами заграбастать себе наследство деда. В то время как мне всего лишь нужно было немного денег на мою самую первую предвыборку. Я знал, что, по условию завещания, Влад на момент вступления в права обязан был быть женатым. И братец не растерялся – отыскал себе лже-невесту. А мне оставалось лишь дергать за этот единственный доступный мне рычаг, переманивая девчонку на свою сторону. Откуда мне было знать, что у этой фиктивной пары любовь созреет потом. И опять я остался крайним…

Ладно, кузен я хреновый, признаю. Но это же не значит, что меня можно вот так бросить на произвол судьбы?

– Кхм, – теряюсь я на мгновение.

– Давай быстрее, у нас праздник сейчас, Ромке год. Отвлекаешь, – чеканит кузен, а я готов по лбу себя хлопнуть.

Сегодня первый день рождения сына Влада и Марины, той самой фиктивно-настоящей жены. Как символично, что именно сейчас я обращаюсь к братцу со своей «проблемой». Своевременно, как я умею. Но назад пути нет.

– Так поэтому и звоню, брат, – кричу в трубку, но заранее знаю, что Влад раскусит мое вранье. – С днем рождения сына! Поздравляю! И Марине привет передавай.

Последнюю фразу выпаливаю, не подумав. Весьма опрометчиво. Судя по подозрительному молчанию Влада, эта девчонка – все еще его слабое место. Ну елки, я-то без задней мысли! Чего из-за бабы так переживать, не понимаю. Мало их по свету каблучками цокает?!

– Дима, правду! – после паузы коротко отрезает кузен.

Он в принципе молчалив по жизни, словно каждое слово – это миллион долларов. Я же слов не жалею, а вот денег – да.

– Ладно, Влад, – выдыхаю я. – Я вот по какому вопросу. В твоей сети клиник делают тест на отцовство? Желательно, в ближайшем ко мне филиале…

Глава 3

На том конце провода повисает тишина. Я неспроста обратился к Владу по столь щепетильному вопросу. Кузен владеет сетью клиник, что досталась ему от покойного отца. А еще отличается патологической честностью. Такой весь правильный и благородный, аж челюсть сводит, набивая оскомину. Но в данной ситуации мне это только на руку! Мне необходима независимая проверка, мало ли, какие связи у этой Екатерины.

– Нет, мы таким не занимаемся, – через некоторое время задумчиво произносит Влад. – Есть неплохая лаборатория в твоем округе, я сброшу адрес… А что случилось? – не выдерживает братец.

Вряд ли он переживает обо мне. Так, интересуется. Но мне нужен чертов адрес, поэтому отвечаю честно, ведь у Влада нюх на вранье, врожденный, как у полицейской собаки.

– Короче, ко мне заявилась девица с ребенком. Говорит, мой, – тяжело вздыхаю. – А он не мой! – слышу привычную тишину и продолжаю. – Влад, будь другом, дай еще контакты того сыщика частного…

– Так, во-первых, с таким «другом», как ты, врагов не надо, – осекает меня братец, а я недовольно закатываю глаза: какие мы злопамятные! – А во-вторых. Зная тебя и твой образ жизни, я не удивлен. Так что могу тебя только поздравить с пополнением в семье, – выдает ядовито и отключается.

Ну очуменно просто! Теперь и адрес лаборатории не скинет? Вот как был быком упертым, так и остался!

Раздраженно отбрасываю мобильный, но при этом аккуратно, чтобы он мягко приземлился на стол. Нечего имущество портить на нервах.

Поудобнее разваливаюсь в мягком кожаном кресле и запрокидываю голову назад, прикрыв глаза. Надо подумать. Манипуляцию с тестом на отцовство мне нужно провернуть быстро, точно и при этом не привлекая лишнего внимания. Когда получу отрицательный результат, в чем я не сомневаюсь (ну, почти), отправлю эту дрянь вместе с подкидышем восвояси.

Не знает она, с кем связалась. Я и не из таких передряг выкручивался.

Немного остыв, придвигаюсь к рабочему столу и открываю ноутбук. Только собираюсь нырнуть в просторы интернета за нужной информацией, как дверь после короткого стука открывается, а сквозь образовавшуюся щель просовывается голова незнакомого мне дедка.

И тут же доносится визгливый голос Лизоньки:

– Подождите, прием еще не начался!

По аккомпанемент цокающих об пол шпилек блондинка влетает в кабинет, становится перед дедом, спиной ко мне. Она словно прикрывает меня собой от особо опасного преступника, как телохранитель. Отлично сотрудников выдрессировали, даже чересчур. Тем временем, дед сдаваться не собирается, ведь, судя по всему, у него вопрос жизни и смерти. Как обычно, в подъезде ремонт нужен или крыша протекла? Насчет последнего не сомневаюсь, во всех смыслах…

Понаблюдав пару секунд за столкновением «двух титанов», я все же решаю прекратить это.

– Елизавета, все в порядке, давайте начинать прием. Пропустите гражданина… – вопросительно всматриваюсь в просиявшее лицо деда.

– Семен Семеныч я, – представляется незамедлительно и, победно взглянув на Лизу, подходит ко мне и занимает кресло напротив.

Через минуту в кабинет приглашаются профильные специалисты, а рядом со мной устраивается Лизонька, на которую возложена бумажная работа.

Принимаю серьезный вид и морально готовлюсь к нескольким часам выноса мозга. Благо, приемы граждан проводятся не чаще раза в месяц, иначе я давно бы уже чокнулся. И дело не в том, что я людям помогать не хочу. Мне-то что, любой каприз за бюджетные деньги! Но сам процесс, а потом куча бюрократических процедур и отчетов – все это убивает…

***

К концу дня мозг взрывается, а я покидаю кабинет, как пропущенный через соковыжималку лимон, причем несколько раз. Сил нет ни на что, поэтому решаю сегодня не заезжать в свою фирму. Точнее, официально она записана на мать, как и почти все мое имущество. А я – бедный слуга народа, за идею тружусь. Так что если Екатерина планирует что-то поиметь с меня, то ее разочарование будет безгранично.

Стоит мне вспомнить о ней, как настроение, которое и так было на нуле, подыхает окончательно. Домой возвращаться не хочется, но и скрыться от своих проблем, повесив их на Эльвиру, я не могу. И отец как назло в командировке за границей!

Скрепя сердце, все же выруливаю на свою улицу и непроизвольно замедляюсь, пытаясь оттянуть неизбежное.

Издалека замечаю какую-то грузовую машину, припаркованную… напротив моего дома?

Приблизившись, замечаю на ней логотип службы доставки. Судорожно копаюсь в чертогах памяти и не могу отыскать там информации о том, что делал какой-то заказ.

Наверно, ошибка какая-то. Вот еще с этим разбираться мне!

Автомобиль мне приходится оставить на обочине, потому что грузовик перекрыл въезд во двор. И этот факт раздражает еще больше. Пикаю брелком, ставлю свою «красотку» на сигнализацию, а потом врываюсь в собственный дом. И не узнаю его!

Весь холл заставлен какими-то коробками, а в углу двое мужчин собирают… детскую кроватку? Ищу взглядом Эльвиру, но тщетно. Зато на глаза попадается Екатерина. Пару секунд наблюдаю, как она руководит в моем доме, и достигаю максимальной точки кипения. Но в помещении посторонние, которые мешают мне взорваться.

Я медленно подхожу к наглой гостье и испепеляю ее вопросительным взглядом, который она выдерживает мастерски. Ни капли совести!

– Мама с Машенькой, – ехидно тянет она, как будто меня должно интересовать, где ее мелкая. – Наверху.

– Какого хрена ты тут устроила? – цежу сквозь зубы, сдерживая себя из последних сил, лишь бы не вышвырнуть нахалку за порог.

– Милый, – щебечет она, вызывая противоречивые чувства: хорошенькая зараза, притягательная, но такая стерва! – Оплати заказ, – бросает небрежно, чмокая меня в щеку. – Должна же твоя дочь жить в комфорте, а то ей даже спать негде!

Ох, как много добрых, светлых слов я хочу сейчас высказать этой хамке, но она лишь обезоруживающе улыбается, разворачивается и, виляя бедрами (весьма аппетитно, стоит признать), направляется к доставщикам.

Нет, ей конец! Пусть памятник себе закажет заодно! Вот его я оплачу с удовольствием!

*История Влада – в книге "Жених с браком" ПО ЭТОЙ ССЫЛКЕ.... (https://www.litres.ru/veronika-lesnevskaya/zhenih-s-brakom/?lfrom=201227127)

Глава 4

Екатерина

Я ощущаю его ярость каждой клеточкой тела. Она прожигает спину, а заодно, уверена, и область тела чуть пониже. Забирается под кожу и намеревается испепелить дотла, чтобы места живого от меня не осталось. Реакция Димы радует, ведь примерно этого я и добивалась, но в то же время пугает. Не знаю, как выдержу с ним все это время под одной крышей. Но выбора нет.

Направляюсь в сторону сборщиков мебели скорее не для того, чтобы давать какие-то поручения, а за спасением. Диму слишком беспокоит собственный имидж, так что при посторонних он будет вести себя примерно. Уже через секунду понимаю, что прогадала: этот проныра найдет выход из любой ситуации.

– Екат… кхм… – осекается он и продолжает чуть тише и спокойнее. – Катюша, – тянет так приторно, что меня вот-вот стошнит. – Можно тебя на пару слов?

Диме плевать на мой ответ – он все уже решил сам. Ощущаю, как большая ладонь ползет по моей пояснице, пока не сжимается на боку. Так сильно, что жжет кожу. И через мгновение мое хрупкое тело буквально волочится вслед за этим шкафом. Пытаюсь слабо сопротивляться, но в итоге лишь теряю равновесие, отчего вынуждена упереться руками в торс мужчины и оказаться с ним непозволительно близко. Хочу отстраниться, но Дима не отпускает.

Бороться с ним бесполезно, поэтому просто поднимаю взгляд и встречаюсь с его пожароопасными медовыми глазами. Мужчина смотрит на меня внимательно, изучает. В какой-то момент даже голову чуть склоняет набок. Оценивающе. А через секунду вдруг меняется в лице и хмурится.

– Короче, слушай меня внимательно, – цедит строго, но голос не повышает.

Перекладывает руки на мои плечи, стискивая так, будто сломать меня собирается. Того и гляди что-нибудь хрустнет. Мысленно прикидываю возможные пути отступления, но не придумываю ничего лучше, кроме как закричать и истерику разыграть. Однако кто-то меня опережает.

С трудом вынырнув из тягучей патоки пристального взгляда, я понимаю, что слышу вопли Маши, а следом – громкое ворчание Эльвиры. Внутри все холодеет. Так и знала, что надолго их оставлять нельзя! Во всем Дима виноват! Я ведь как раз собиралась наверх, пока он не заявился. Пришлось менять свои планы.

Со злостью отталкиваю Диму, который в данный момент тоже смотрит в сторону, откуда доносится плач. Нет времени анализировать его эмоции. Вместо этого срываюсь с места и мчусь вверх по лестнице. В комнате оказываюсь мгновенно и буквально вырываю малышку у недобабушки, которая держит ее перед собой на вытянутых руках.

– Что случилось? – рычу, как пантера, готовая наброситься на врага.

Но стоит мне прижать Машу к себе, как я все понимаю без слов. Выдыхаю расслабленно, а потом делаю вдох и кашляю. Правильно, малышка, подложила этим снобам мину. Предприимчивая, вся в меня.

– С меня хватит! – фырчит Эльвира, поправляя свою и без того идеальную одежду. – Прогони их, наконец! – выпаливает Диме.

Но спотыкается о его предупреждающий взгляд. И не потому что мужчина хочет защитить нас, отнюдь. Он бы и сам придал нам ускорения, чтобы летели быстрее. Но Дима всем своим видом напоминает, кто здесь главный. И за кем останется последнее слово.

На удивление Эльвира резко меняет свой тон, улыбается сыну, но потом все же спешит убраться от нас скорее. Особенно после того, как Маша опять начинает хныкать.

Согласна, милая, мне тоже эта грымза не по душе. Впрочем, как и твой папашка.

– Почему так воняет? – кривится Дима, и в этом, честно говоря, я с ним согласна.

Когда вам говорят, что младенцы пахнут молочком и испражняются тоже исключительно им, не верьте. Врут. Нагло врут.

– До вас не воняло, Дмитрий Николаевич, – бросаю ехидно.

– Сделай что-нибудь, – не просит, а приказывает. Раздражает!

– Мне нужен пеленальный стол с бортиками. Или большая кровать, – наблюдаю недоуменное выражение лица мужчины и поспешно добавляю. – Машу переодеть где-то. Она быстро ползает.

Дима в плане детей соображает туго, поэтому обхожу его и взглядом ищу спальню. Наугад открываю одну из дверей и удивляюсь своей интуиции. Потому что вижу в комнате большую двухспальную кровать. А еще дверь справа от меня. Видимо, ванная. Идеально!

Собираюсь приступить к переодеванию Машеньки, игнорируя недовольство Димы, но замираю.

– Это твоя спальня? – сглатываю брезгливо, когда мужчина кивает. – И сколько женщин через эту постель прошло?

Звучит так, будто я ревную. Ну и пусть. Мне просто противно укладывать малышку на кровать, где… Вздрагиваю от отвращения.

– Я не таскаю баб домой, – невозмутимо хмыкает Дима, а сам обводит меня долгим взглядом. – Для этого есть отели, – ухмыляется ехидно. – Например, отель «Президент».

Недвусмысленный укол пропускаю мимо ушей. Смотрю на мужчину, прищурившись, и решаю ему поверить. Тем более, Маша вновь подает голос. Опускаю девочку на постель и краем глаза замечаю, что Дима собрался позорно сбежать.

– Ты куда? – рявкаю я, а он застывает от моей наглости. – Помоги мне!..

– Ты очумела? – взрывается Дима, но все же возвращается. – Сама со своей мелкой разбирайся.

– Нашей мелкой, – поправляю его, четко чеканя каждое слово. – Внизу я оставила сумку. В гостиной на диване, кажется. Принеси, в ней подгузники и Машино полотенце, – произношу спокойно, но строго.

Протяжный вздох облегчения заставляет меня оглянуться. Изогнув бровь, всматриваюсь в уставшее лицо Димы. Утром он казался мне свежее и энергичнее. Тухнет постепенно его боевой запал, а я ведь даже толком и не начала изводить несчастного. Так, разогрелась.

– И все? – мужчина явно ожидал более невыполнимой миссии.

На секунду я даже пожалела, что не попросила Диму самостоятельно сменить малышке подгузник. Впрочем, я бы все равно не доверила ему Машу.

– Пока да, – пожимаю плечами.

Указываю немного опешившему Диме взглядом на выход. Знаю, что Машенька вообще девочка терпеливая, но до определенной поры. А потом жди взрыва! Умиляюсь, думая об этом. Как мы с ней похожи!

Провожаю Диму взглядом, еле сдерживаясь, чтобы не прыснуть от смеха. И почему мужчины так боятся маленькой детской неожиданности? Даже суровый депутат не выдержал атаки Машеньки.

Поворачиваюсь к малышке – и стираю глуповатую улыбку со своего лица. Не следует забывать, где и с кем я нахожусь. И какой человек скрывается под личиной Дмитрия Щукина. Человек ли?..

Возвращается он на удивление быстро. Сумку бросает на кровать, а сам застывает на расстоянии, сложив руки в карманы. Фыркаю возмущенно и самостоятельно занимаюсь Машей. Традиционно девчонка не может ни секунды удержаться на одном месте, поэтому полностью переключаюсь на нее. Сначала стараюсь делать все аккуратно, чтобы не испачкать постельное белье, а потом одергиваю себя: какого черта! И все же мы с «напарницей» оставляем пару

меток папочке на память.

Странно, но Дима молчит. Все еще боится, что привлеку его к выполнению отцовского долга? Но вместо этого я несусь в ванну, провожу Маше все необходимые процедуры, а после выношу ее, завернутую в полотенце и невероятно довольную. Малышка занимает мое внимание полностью. В какой-то момент даже забываю, что здесь есть кто-то еще, и чуть ли не подпрыгиваю от голоса Димы.

– Был я как-то возле старого, вскрытого канализационного коллектора, – задумчиво тянет мужчина, косясь на оставленный мною подгузник. – Реконструкцию «контролировал». Кхм… – морщит нос.

Ему не нужно продолжать – я и так понимаю, к чему он клонит. Ничего, пусть привыкает к трудностям. Это только начало.

И все же улыбаюсь слегка, пряча взгляд, но мгновенно беру себя в руки.

– Ммм, а я думала, искал новое место обитания себе под стать, – срывается колкость с моих уст прежде, чем успеваю подумать.

Сжимаю губы, мысленно ругая себя: незачем показывать сейчас свое истинное отношение к Дмитрию Щукину! Мне необходимо остаться в его доме, нельзя испортить все излишней импульсивностью…

– Остренький язычок? – усмехается Дима язвительно. – Ему больше подошло бы другое применение, – играет, как кот с мышью, да только роли не совсем верно распределил.

– Твоему тоже, – подмигиваю с улыбкой, но стоит Диме смерить меня подозревающим взглядом, как я добавляю. – Например, держать за зубами! И остальные части тела при себе хранить!

Глава 5

Перехватываю Машу на руках и направляюсь к двери, но Дима в два шага оказывается передо мной. Смотрит сверху вниз, как на букашку, и мрачнеет.

– Куда? – ревет мне в лицо.

– Я присмотрела комнату для нас с Машей, – невинно хлопаю ресничками. – На первом этаже, рядом с твои кабинетом.

– Кто тебе позволил бродить по моему дому? – разгоняется не на шутку, как целая центрифуга ярости. – Будете ночевать там, где я скажу! Или вообще на улице!

– Именно в той комнате идеальные энергетические потоки! – несу какую-то чушь, лишь бы отвлечь Диму от гнева. – И мебель по фен-шую расставлена! В неправильных условиях Маша не сможет уснуть и будет плакать всю ночь!

Щукин смотрит на меня, как на местную сумасшедшую, но перечить не спешит. Видимо, угроза о криках малышки возымела должный эффект. Пока мужчина пребывает в замешательстве, решаю воспользоваться случаем.

Предпринимаю слабую попытку обойти его и сбежать, но она терпит крах. Крепкая мужская рука сжимается на моем локте так, что я с трудом умудряюсь удержать малышку. Морщусь от боли, и Дима на удивление быстро ослабляет хватку, будто пожалел меня. Хотя у таких, как он, функция жалости неисправна. А скорее, вовсе отключена.

– Паспорт покажи, – рычит Щукин еще более суровым тоном.

– Зачем? – испуганно сглатываю и округляю глаза.

– Ты находишься в моем доме, – продолжает холодно и надменно. – Я должен знать, кто ты и откуда. Документы, я сказал! – рявкает неожиданно, на что Маша незамедлительно реагирует громким плачем.

***

– Заберешь паспорт и продашь меня в рабство? – успокоив ребенка, бросаю ехидно, но на самом деле пытаюсь отвлечь внимание Димы.

Однако его не так легко обвести вокруг пальца: все принимает под сомнение. Потому что по себе людей судит.

– С довеском не возьмут, – кивает на Машу. – Зубы мне не заговаривай. Я серьезно. Паспорт, – протягивает руку.

Вместо документов неожиданно передаю ему малышку. Он даже вдох сделать не успевает. А тем более возразить что-нибудь. Убеждаюсь, что Дима держит ребенка достаточно крепко, и отстраняюсь. Мгновенно дезориентирую мужчину, превращая его из самоуверенного хозяина жизни в растерянного, затравленного зверька.

Все же ребенок – идеальное оружие! Не дает осечек. И бьет сразу на поражение.

– Эй, ты. Забери, – Дима даже приказать нормально не может. – Забери это, – делает шаг ко мне навстречу, но я отступаю назад.

– Сам паспорт просил, – хмыкаю невозмутимо. – А мне его в сумке найти надо. Так что, – театрально развожу руками. – Пришло время познакомиться ближе с дочерью. Наслаждайся!

Еще раз окидываю папашу взволнованным взглядом. Но он молодец. Вцепился в крошку и пошевелиться боится, будто ответственность за нее чувствует. Ему не повредит хоть что-то почувствовать…

В пару шагов приближаюсь к сумке и судорожно вспоминаю, в каком кармашке нужный мне документ. Как назло Дима отмирает и подходит ближе, пристально наблюдая за моими манипуляциями. И Маша мне совсем не помогает! Сидит на его руках молча и рассматривает заинтересованно.

Внутренний карман или боковой? Хоть монетку бросай! Надо было пометить. Выбираю наугад, достаю паспорт, который тут же выхватывает у меня Щукин. Поспешно отдает мне Машу и разворачивает документ.

Бегает глазами по первой странице, на меня поглядывает, будто сравнивает с фото. Тем временем у меня сердце из груди выпрыгивает: неужели ошиблась?

– Екатерина Сергеевна Ильина, – листает дальше. – Не замужем, дочь Мария Дмитриевна Ильина…

Дима напряженно сглатывает и смотрит на меня исподлобья, а я тем временем облегченно вздыхаю. Можем продолжать!

– Что? Папино отчество дала ребенку, имею право, – дерзко вздергиваю подбородок. – Жаль, фамилию не разрешили. Но мы же это исправим, да? – хлопаю ресничками.

– Ага, разбежалась, – возвращается к изучению моего паспорта.

Хотя основное Дима и так видел. Не понимаю, что ему еще нужно. Прописана я в городе, у мамы моей, а больше никакой «секретной» информации из паспорта этого не выудить. Но Щукин считает иначе.

Возвращается на первую страницу, считает что-то в уме, а потом окидывает меня оценивающим взглядом, от которого мурашки по коже. Сильнее стискиваю в руках Машу, а она кряхтит недовольно.

– Двадцать четыре года? – ухмыляется Дима снисходительно. – Неплохо сохранилась для своего возраста.

Вспыхиваю мгновенно. И, кажется, краснею от злости до корней волос. Старая слишком для этого мачо? Самому-то за тридцатник перевалило!

Всем своим видом показываю, что не намерена терпеть такое отношение и жду извинений. Но нахал остается верен себе.

– Знаешь, все равно я тебя не помню, – проигнорировав мою обиду, бросает задумчиво. – И это странно, – потирает подбородок.

– Так ты был пьян, – цежу сквозь зубы, не в силах скрыть отвращение.

– А что ж ты, такая правильная, с алкоголиком в постель легла? – продолжает язвить, тешась моей реакцией. – Про насилие можешь даже мне не втирать. Точно нет, меня такое не заводит. Да и зачем, если бабы и так на меня вешаются. Падают к ногам и укладываются штабелями. Только выбирай, – не прекращает хамить. – Вот и ты не удержалась.

Издевается! Специально! Чувствую, что издевается! На эмоции выводит!

Но ничего поделать не могу с гневом, разрывающим меня изнутри. Решаю молча покинуть комнату, пока не наговорила лишнего.

Когда оказываюсь на пороге, Дима резко приближается ко мне со спины и укладывает руки на талию. Забываю, как дышать, от его наглости! Крепче прижимаю к себе Машу и лихорадочно соображаю, как бы избавиться скорее от этой близости.

Тем временем Дима наклоняется к моему уху, обдает кожу горячим дыханием.

– Надо освежить память, – шепчет чуть слышно. – Можно даже сегодня. Сделаю для тебя исключение из правила «не приводить баб в дом». Раз уж ты сама пришла…

Вдох и медленный выдох. Оглядываюсь на Диму. Дежурная улыбка, взмах ресничек.

– Освежи, – выдыхаю с наигранным трепетом. – Только сам, дорогой, сам, – рявкаю так, что он вздрагивает и даже руки убирает. – А ко мне придешь, когда дочь свою примешь. Да и то я еще подумаю. Соглашаться ли после всех твоих… штабелей.

Вылетаю из комнаты.

Слышу позади короткий сигнал мобильного и победный смешок Щукина. Замедляю шаг.

Не нравится мне все это.

– Завтра рано вставать, в лабораторию поедем, – кричит мне в спину. – Сделаем тест на отцовство. Так что у тебя есть время до утра, чтобы передумать и самой уйти, – добавляет ядовито.

– В какую лабораторию? – выпаливаю я, не успев вовремя прикусить язык.

– Сюрприз, дорогая, – зло выплевывает. – Спокойной ночи.

Ненавижу сюрпризы, однако вслух не произношу ни слова. Тороплюсь спуститься вниз, а потом скрыться в комнате. Остаться наедине с собой. С Машенькой. И нашим прошлым…

Глава 6

Дмитрий

В кабинете приходится засидеться допоздна. Теряю счет времени, погруженный в текст своей речи для завтрашнего мероприятия. Днем состоится открытие какого-то детского центра. В общем, ерунда, если наш глава сам не идет, а решил меня отправить. Моя миссия маленькая – помелькать и поздравить.

Правда, чем больше я вчитываюсь в текст, тем сильнее пробивает на смех. Лизонька, конечно, потрудилась на славу, но явно перестаралась. Подготовила мне какую-то патетическую хрень. Да нормальные люди не то, что не говорят так, а даже слов и оборотов подобных не знают! А если учесть, что наверняка на мероприятие детей нагонят, то я точно усыплю малышню своей болтовней.

Психанув, перечеркиваю почти весь текст, оставляя лишь голые факты, показывающие, как активно мы город развиваем, рук не покладая. А воды и сам налью, благо, язык подвешен. Буду действовать по ситуации, чтобы и прессе было, что взять, и народ не умер от тоски. Мне он еще пригодится. Кто же голосовать за меня будет осенью?!

Усмехаюсь, убираю бумаги, закрываю ноутбук и с чувством выполненного долга собираюсь отправляться спать.

Но вдруг слышу детский плач за стеной. От неожиданности резко подскакиваю, опрокидывая стул. Не сразу понимаю, откуда вообще в моем доме ребенок. Непривычно…

Вспомнив о нахалке-мошеннице и ее отпрыске, которых я вынужден был оставить на ночь, тяжело вздыхаю. Лучше бы это все оказалось ночным кошмаром, но нет. Не с моей удачей!

Собираюсь проигнорировать вой чужого ребенка и отправиться наверх, а мамаша пусть сама разбирается. Покидаю кабинет, делаю пару шагов к лестнице, но крик усиливается.

Жалобный, мяукающий.

Мне же плевать, ведь так? Завтра сделаем тест, дождемся отрицательного результата – и аривидерчи!

Еще один шаг.

Плач все громче. И громче. При этом никаких признаков активности мамашки.

Но меня не волнует не мой ребенок. С этой мыслью я почему-то иду не в свою спальню, а в комнату, откуда доносится крик.

Открываю дверь, морщусь от воплей и, ориентируясь в темноте исключительно наощупь, добираюсь до прикроватной тумбочки. Хорошо хоть нахалка не успела перестановку здесь сделать по своему «фен-шую». Нащупываю рычажок и включаю лампу. От света мелкая немного успокаивается, правда, продолжает всхлипывать, но уже гораздо тише.

Темноты испугалась? Надо бы ночник купить… Хотя о чем это я! Мне это все на хрен не надо!

Перевожу внимание на горе-мамашу, а та дрыхнет как ни в чем не бывало! Окликаю ее, но она не реагирует. Присаживаюсь на край постели, твердо намереваясь разбудить Екатерину, потому что ее дочь, кажется, опять готовится разреветься.

Но замираю на какое-то время, медленно скользя взглядом по умиротворенной девушке. Она красивая, особенно когда молчит и не пытается повесить на меня своего ребенка!

Очнувшись, тереблю ее за плечо. Реакция следует незамедлительная и… неожиданная. Потому что уже в следующую секунду я получаю хлесткую оплеуху.

– Да за что? – отстраняюсь от сумасшедшей, и даже выругаться не могу от шока.

Замечаю, что Екатерина толком и не проснулась. А треснула меня на автопилоте. Отличная реакция, только непонятно, откуда и с чем связана.

Сейчас девушка сидит на кровати с прикрытыми глазами, сжимает в руках простынь и что-то мычит мне. Или не мне…

– Ребенок проснулся, – рявкаю недовольно. – Плачет.

– Какой ребенок? – сквозь полудрему бормочет мамашка.

Ее вопрос на секунду обезоруживает. Шутит, что ли? С подозрением сканирую достаточно милое сонное лицо, зачем-то спускаюсь взглядом ниже, отвлекаюсь на спущенную бретельку ее майки, что приоткрывает чуть больше, чем прилично… Но очередной детский всхлип возвращает меня в реальность.

– Твой ребенок, мать, – бросаю с нарочитой небрежностью, чтобы самого себя остудить. – Ребенок, которого ты усиленно пытаешься мне подкинуть.

Екатерина распахивает глаза испуганно и со звонким вскриком «Маша» рывком подается вперед. Спросонья она отвратительно ориентируется в пространстве и абсолютно не контролирует свое тело. Поэтому вместо того, чтобы нормально подняться с постели, девушка какого-то хрена налетает на меня – и мы со всей

силы сталкиваемся лбами. До разноцветных звездочек.

Машинально хватаю сумасшедшую за плечи, чтобы не позволить свалиться на пол, но тут же отстраняю от себя.

– Если ты здесь, чтобы убить меня, выбери способ погуманнее, – рычу хрипло, а сам всматриваюсь в ее лицо, анализируя подсознательно, не сильно ли она ушиблась.

Вот дура на мою голову!

Екатерина поспешно высвобождается из моих рук, встает и, покачиваясь, направляется к мелкой. У детской кроватки хватаю ее за локоть.

– Так, а ну отойди! – не выдерживаю я. – Проснись сначала нормально. Умойся, в чувства себя приведи! – приказываю недо-мамке. – Что твоей мелкой надо? Предупреждаю сразу, на руки я ее больше не возьму. Но принесу все необходимое. И помогу. В рамках разумного, конечно.

Екатерина смотрит на меня с недоверием, хлопает ресницами и чуть наклоняет свою симпатичную головку набок. Изучает меня как будто.

– Учти, это единоразовая акция! – добавляю строго. – Иначе устроишь детовредительство в моем доме, на фиг надо.

– Эмм, – теряется Екатерина. – Маше кушать пора… Я ставила будильник, но… – осекается, не желая передо мной оправдываться. – Смесь в сумке… И еще нужна вода кипяченая, – мямлит отрывисто.

– А ты разве не… – бросаю многозначительный взгляд на ее грудь.

И следом жалею об этом. Потому что тонкая шелковая ткань пижамы практически ничего не прикрывает, а лишь ложится поверх весьма аппетитных форм, словно вторая кожа. Еще чуть-чуть – и Маша рискует остаться голодной…

Поймав мой взгляд, Екатерина вспыхивает, неловко прикрывается руками и смотрит на меня с вызовом.

– Нет, я не кормлю грудью, – выдает уже без стеснения. – От нервов молоко пропало. Знаешь ли, матери-одиночке нелегко приходится…

Давит на совесть, которой у меня давно уже нет. Выброшена за ненадобностью. Но все же не выдерживаю и спешу прочь из комнаты.

Возвращаюсь через некоторое время с кипяченой водой, как и просила Екатерина.

Молча наблюдаю за ее ведьмовскими манипуляциями с бутылочкой. И даже убедившись, что девушка окончательно проснулась и контролирует себя, почему-то не двигаюсь с места. Стою, прислонившись плечом к дверному косяку, и, словно завороженный, слежу, как Екатерина берет на руки мелкую. Кормит ее, укачивает, укладывает спать. Будто ритуал какой-то проводит. И главное, что он срабатывает. Я бы явно не справился. Впрочем, мне это и не нужно!

Когда Маша спокойно посапывает в своей кроватке, Екатерина поворачивается ко мне и вопросительно приподнимает бровь. Удивлена, почему я все еще здесь? Сам, честно говоря, не знаю. Но, в конце концов, это мой дом! Где хочу, там и нахожусь!

– Спокойной ночи, – бросаю грубовато. – Завтра в шесть утра вас подниму, чтобы в лабораторию к открытию успеть. Хочется скорее решить вопрос.

Разворачиваюсь и переступаю порог комнаты, слыша за спиной тихое «и тебе спокойной». Но почему-то воспринимаю невинную фразу как проклятие. Ничего, завтра безумие закончится, а моя жизнь вернется в привычное русло.

Выбор второй. Глава 7

Екатерина

Просыпаюсь от радостного гуления Машеньки, томно потягиваюсь в постели. Мельком смотрю на настенные часы, и цифры на них заставляют меня

ошеломленно ахнуть: восемь тридцать! Пытаюсь быстрее встать с кровати, но ноги путаются в простыни, а я сама теряю равновесие, соскальзывая с края, и довольно шумно плюхаюсь на пол.

Следом с тумбочки слетает лампа.

Финальным аккордом становится крик Маши. Меня настораживает, что малышка такая пугливая. Хочется немедленно обнять ее, успокоить, убедить, что теперь все будет хорошо!

Рывком поднимаюсь с пола и не замечаю, в какой момент рядом со мной материализовывается Дима. Я готова вскрикнуть от неожиданности, но ради Маши держу себя в руках.

– Какого черта здесь происходит? – тихо, но строго рычит Щукин.

Протягивает ко мне руку, но тут же убирает ее.

Смотрю на Диму, прищурившись. Анализирую.

Вчера он грозился поднять нас ни свет ни заря, как можно быстрее отвезти в клинику, чтобы потом выгнать пинками из своего драгоценного дома и не менее драгоценной жизни.

Почему же не воплотил свои обещания в реальность?

Проспал, как я?

Окидываю взглядом Диму. Причесанный, бритый, облачен в идеальный деловой костюм черного, как и его душа, цвета. Мужчина не выглядит проспавшим. Наоборот, он встал давно и успел спокойно собраться. Возможно, даже позавтракал. Хотя стоп! Нет! Такие, как он, не едят по утрам. Скорее, просто кофе, без молока и сахара. Могу поспорить, что угадала!

Выбрасываю из головы абсолютно не нужные мне умозаключения – и возвращаюсь к первоначальному вопросу.

– Почему ты не разбудил нас? – тяну с подозрением.

– Я похож на самоубийцу? – пытается отшутиться, многозначительно указывая взглядом на Машу.

Но я не верю ему. Неужели пожалел и позволил нам выспаться?

Глупости! Диме плевать на малышку, а уж тем более, на меня. Он – обычный эгоист, который живет исключительно ради себя. Ведь так?

Восемь тридцать. Интересно, сколько еще он бы терпел, если бы мы сами не встали?

– Полчаса вам на сборы. И выезжаем, – бормочет Дима недовольно.

– Автолюлька нужна, – спохватываюсь я, но, поймав недоуменный медовый взгляд, поясняю. – Для Маши. Младенцев можно перевозить только в специальных креслах, – настойчиво проговариваю я, искренне беспокоясь о безопасности малышки. – У тебя есть автолюлька? – задаю наиглупейший вопрос.

– Конечно, даже две! – фыркает Дима. – Мне же каждый день детей подкидывают. Не успеваю складывать, – раздражается не на шутку. – Ты полный дом ерунды накупила. Не могла автолюльку заказать?

В этот момент мы похожи на настоящую семейную пару, решающую мелкие домашние проблемы. И от подобной аналогии меня передергивает.

– Такси можно вызвать, в службе есть автомобили со спецкреслами. Мы на таком к тебе приехали, – быстро нахожу выход.

– На такси я еще не ездил, имея собственную машину, – бурчит Щукин, а сам набирает номер. – Ладно, сегодня на такси, а потом купим автолюльку, – выпаливает непроизвольно.

– Потом? – победно хмыкаю, цепляясь за столь красноречивую оговорочку, но быстро жалею об этом.

Дима злится, но мастерски прячет эмоции под криво ухмыляющейся маской. Смотрит на меня снисходительно, сверху вниз, мол, мечтать не вредно. Потом разворачивается, собираясь уйти.

– Не забудь мелкую свою покормить, – бросает через плечо небрежно. – Чтобы не было, как ночью…

– Беспокоишься? – не могу удержаться от укола.

– Не хочу, чтобы она кричала в машине всю дорогу, – подумав, произносит он и покидает нас, аккуратно прикрывая за собой дверь. Не желает шуметь?

И все же мне кажется, беспокоится. Всего лишь второй день здесь, а Маша умудрилась слегка повредить границы личного пространства заядлого эгоиста.

Некоторое время гипнотизирую взглядом закрытую дверь, а губы сами расплываются в легкой улыбке. Встряхиваю головой, срывая себя с небес на землю.

Решила поиграть в адвоката Дьявола, Катя? Найти в нем хоть что-то хорошее? Очнись и вспомни, кто такой Дмитрий Щукин и как он разрушил нашу жизнь!

«Тряпка, размазня!» – ругаю себя мысленно, пытаясь подобным образом привести в чувства. Не думала, что мне будет настолько сложно. Впрочем, разве мне в принципе оставили время на раздумия?

Пока кормлю Машеньку, раздражение и напряжение улетучиваются сами собой. Малышка творит чудеса с моей израненной душой. Маленький ангел…

Улыбаюсь, наблюдая, с каким аппетитом она причмокивает, сминая в крохотном ротике соску, и подсыпает. Приходится разбудить девочку, чтобы переодеть и подготовить к поездке. Маша недовольна, собирается сообщить об этом громким плачем, но я отвлекаю ее сказкой. Честно говоря, я толком не знаю ни одной. Поэтому несу какую-то чепуху с улыбкой, а малышка просто смеется от моего тона и наверняка глупого выражения лица.

Справившись с делами, закидываю сумку на плечо, беру Машу на руки и, не сдержав порыва, чмокаю в лобик.

Разворачиваюсь, но тут же вздрагиваю и судорожно выдыхаю.

На пороге стоит Дима. Хмурый, задумчивый, суровый. Смотрит на нас своими медовыми глазами, но в них ничего невозможно прочесть!

Интересно, сколько Щукин уже наблюдает за нами с Машей? Надеюсь, он не застал мою вольную интерпретацию русских народных сказок.

– Что? – бросаю дерзко.

– Опаздываем, – выжимает из себя Дима. – Такси ждет.

Зачем-то подходит ближе, одним резким движением стягивает лямку сумки с моего плеча и забирает дополнительную ношу. Шагает прочь, не обронив ни слова. Я же удобнее перехватываю Машу и молча следую за Димой.

Глава 8

Дмитрий

Еду в долбаном такси, рядом с водителем, хотя привык всегда сам быть за рулем. Контролировать автомобиль, впрочем, как и свою жизнь в целом. Вовремя уворачиваться от аварий, подобных той, что находится сейчас на пассажирском сидении за моей спиной.

Время от времени поглядываю через зеркало заднего вида на Екатерину и ее мелкую. Не понимаю, зачем и почему, но продолжаю это делать. Наверно, надеюсь, что в какой-то момент наваждение исчезнет. Иллюзия испарится. А мое четкое, распланированное завтра вновь замаячит на горизонте, не рискуя быть разрушенным несносной шатенкой.

Но кажется, в прошлой жизни я сильно напортачил, а потом еще добавил в этой. И возмездие меня настигло.

Устало откидываюсь на спинку сидения, роняя затылок на подголовник. Сколько я спал сегодня? Пару часов? А потом раздраженно ждал, пока непутевая мамка соизволит встать. Несколько раз порывался постучать в дверь и разбудить ее, но застывал на пороге. Будто останавливало что-то…

Надо завязывать с этими «семейными играми», а то немудрено и увязнуть. Прикрываю глаза и явственно вижу себя, тушей расплывшимся на диване и почесывающим пузо. Вокруг – орава орущих «пиявок» и жена, долбящая мозг, как особо трудолюбивый дятел.

Сон как рукой снимает. Импульсивно ослабляю галстук, потому что от нервов становится душно. Открываю окно, чтобы запустить хоть немного свежего воздуха.

– Дима, сквозняк, – мгновенно отзывается Екатерина. – Маша простудится.

«Плевать мне на твою Машу», – думаю, захлебываясь собственным гневом, но не могу сказать этого вслух при таксисте.

Машинально зажимаю кнопку, и стекло автоматически поднимается.

Считаю минуты до того момента, как мы наконец приедем в клинику. Влад все же прислал мне адрес. Отходчивый братец, никогда бы не подумал. Но остался ему благодарен.

Ни координат, ни названия лаборатории Екатерине я не сообщил. Просто потому что не доверяю. В идеале, съездить бы туда вдвоем с Машей, без ее горе-мамки. Но невозможно. Ведь без согласия Екатерины я не имею права распоряжаться мелкой и тем более делать какие-то тесты. Дебильные законы. Надо будет внести поправки – ухмыляюсь мысленно.

Тем временем такси паркуется возле двухэтажного бело-зеленого здания. На фасаде гордо красуется чаша со змеей. Откуда у них фото Екатерины, пьющей мою кровь?

Оборачиваюсь и замечаю, что девушка что-то шустро набирает в мобильном. Реагирую молниеносно, по крайней мере, надеюсь на это. Протягиваю руку, и выхватываю телефон, игнорируя возмущенный вздох шатенки.

Привыкай, раз уж сама приперлась в логово врага! Другом я в данной ситуации точно быть не собираюсь.

Не в моей привычке лазать по чужим телефонам, однако экстренные случаи требуют радикальных мер. Поэтому провожу пальцем по дисплею, но обнаруживаю, что мобильный на пароле. Успела заблокировать! Вот же с… совершенно несносная баба!

Сдерживаюсь, чтобы не выругаться. Вместо этого расплачиваюсь с таксистом, а потом помогаю девушке с ребенком выйти из салона. Показуха, не более. Нужно сохранять образ джентльмена, или вроде того.

– Отдай мой телефон, – тихо шипит Екатерина, когда мы оказываемся на улице.

Приближается ко мне вплотную, держа малую на сгибе локтя. Интересно, ей не тяжело носить ребенка так? Неважно!

Шатенка стреляет в меня пылающим взглядом, пытается выглядеть угрожающе, настойчиво требует мобильный. Примерно как маленькая собачка, лающая на проезжающий мимо автомобиль. Которому нет до нее никакого дела.

Усмехаюсь и ехидно хмыкаю. Демонстративно прячу тонкий телефон предпоследней модели в карман брюк. Развожу руками, мол, сама забери, если посмеешь.

Екатерина скользит по мне взглядом, спускается ниже и… неожиданно краснеет. Шумно выдыхает и, огибая меня по довольно широкой траектории, словно боится, она быстро шагает ко входу в клинику.

Мы точно с ней спали?

Сейчас и узнаем.

***

Персонал клиники встречает дружелюбно, словно все только нас и ждали. Хотя попробовали бы они вести себя иначе. Усмехаюсь, мельком обвожу оценивающим взглядом администратора, что широко нам улыбается. Обычная девушка, на троечку, максимум, с плюсом. Неинтересно.

Отворачиваюсь, ловлю на себе прищуренный янтарный взгляд Екатерины. Недовольный, презирающий.

Приподнимаю бровь, ухмыляюсь криво, намеренно раздражая ее еще сильнее. Не понимаю, нахалка считает, что имеет какое-то право меня контролировать? Серьезно?

Даже если Маша окажется моей, что исключено априори. Но даже если вдруг по глубокой пьяни я умудрился так накосячить, это не значит, что я побегу строить большую счастливую семью. Дождусь выборов, чтобы не упасть в грязь лицом перед народом. Почему-то не сомневаюсь, что Екатерина поможет мне это сделать, еще и подножку поставит…

Так что только после того, как займу нужный мне пост, куплю им квартирку на окраине, отселю обеих – и буду алименты отчислять. Со скромной депутатской зарплаты.

Как по мне, нормальная цена моей свободы. А она мне ох как дорога.

Довольный своим планом, любезно пропускаю Екатерину в медкабинет. Глупо, но почему-то вдруг вспоминаю одну из дурацких версий происхождения этого правила этикета. Якобы все исходит из первобытного общества, когда люди жили в пещерах. Найти новый «дом» было крайне опасно, потому что там могли оказаться дикие звери. Присмотрев подходящую пещеру, мужчина пропускал женщину вперед, а сам ждал. Если ее сожрали хищники, значит, приходилось искать другое место обитания. А что, логично.

К сожалению, криков и чавканья я не слышу, значит, Екатерина выжила. Вздохнув, бреду следом. Здороваюсь с медсестрой, парой фраз объясняю, что нам нужно, но она, кажется, и так в курсе. Наверно, Влад предупредил. Отлично, так будет даже проще. Надеюсь, наше появление здесь тоже останется в тайне.

Впрочем, договоримся. За отдельную плату.

Машинально отмечаю про себя, что медсестричка у них на твердую четверочку. Только почему-то смотрит на меня зверем. Нет, вычеркиваем. Терпеть таких не могу.

– Что нужно от Маши? Будете кровь брать? – беспокойно подает голос Екатерина. – А можно без уколов обойтись, пожалуйста?

Условия еще ставит?

Но не успеваю разозлиться, а бросаю взгляд на малую. Ручки тоненькие, сама крохотная. Куда там колоть? От одной мысли дрожь по спине. Впервые за все время собираюсь согласиться с Екатериной.

– Что вы, не волнуйтесь, – смеется медсестра. – Достаточно взять буккальный эпителий.

На этих словах горе-мать закашливается, заметно бледнеет и устремляет на меня полный мольбы взгляд.

А я-то чем помочь могу? Я вообще таких изощренных ругательств не знаю…

И все же готов встрять в разговор, но медсестра меня опережает.

– Я просто возьму мазок из ротовой полости малышки. Вопрос пары секунд, она даже испугаться не успеет, – объясняет она и подмигивает Маше, но та хмурится.

Мелкая права – противная тетка.

Медсестра готовит все необходимое для процедуры. Работает быстро, профессионально. Маша даже пикнуть не успевает. Признаться, она вообще производит впечатление спокойного ребенка, когда ее не забывают покормить или не пугают громкими звуками. А в остальное время – никаких истерик. Тихая, как ангел.

Нет, точно не в меня!

– От вас, – медсестра разворачивается ко мне, – то же самое.

И буквально уничтожает взглядом. Как будто я, как минимум, убил кого-то! Что плохого в том, чтобы убедиться в своем отцовстве? Точнее, в его отсутствии! В моем случае только так!

Ох уж эта женская солидарность!

– Еще лаборатории требуется образец ДНК матери, – заявляет неожиданно.

– Ммм, зачем? – лепечет Екатерина.

– Он подскажет, какие гены «достались» ребенку от вас, что исключит вероятность случайных совпадений с противоположной стороны, – невозмутимо чеканит медработник, будто из справочника текст зачитывает. – Так тест будет более точным. Устремляю взгляд на Екатерину, считывая каждую ее эмоцию. Ей ведь не о чем переживать, ведь так? Почему же она медлит?

– Да, хорошо, – наконец соглашается шатенка, но ее заторможенная реакция мне почему-то не нравится.

С другой стороны, скоро все карты будут раскрыты!

– Когда будут готовы результаты? – нетерпеливо спрашиваю я, получая очередную порцию ненависти от излишне сердобольной медсестрички.

– От четырех до семи дней, – бросает небрежно.

– Долго! Меня не устраивает, – произношу строго и повелительно, потому что надоело церемониться. – Я оплачу срочность. Сколько?

Сотрудница клиники замирает, осознав наконец, что станет бывшей, если не прекратит выкаблучиваться. Кивает напряженно. Аккуратно складывает контейнеры с биоматериалом, берет в руки специальный поднос и поспешно поднимается.

– Я передам материалы в лабораторию прямо сейчас. Лично. И заодно спрошу о сроках. Подождите в приемной, – подумав, добавляет, – пожалуйста.

Так-то лучше, а то совсем распоясались бабы. Взглядом указываю Екатерине на выход, и она слушается незамедлительно. Дожидаюсь, пока шатенка с ребенком покинут кабинет, и только потом следую за ними в холл. Чертовы правила приличия.

Медсестричка появляется через мгновение, как будто телепортом воспользовалась. Хлопает ресницами, улыбку на лицо натягивает. Старается.

– Дмитрий Николаевич, – произносит она, и мне определенно нравится начало. – Результат теста будет у вас через сутки.

Победно смотрю на Екатерину, но та держится стойко. До последнего сохраняет маску невозмутимости. Ничего, попляшет еще. Ровно через двадцать четыре часа.

Обратный отсчет пошел…

Глава 9

Дмитрий

– Черт, черт, – ругаюсь себе под нос, поглядывая на часы.

На мероприятие я не то, чтобы «задерживаюсь», а нагло и безнадежно опаздываю. Нехорошо. Еще и этих… временных гостей домой завезти надо.

Или нет?

Разворачиваюсь к Екатерине и задумчиво сканирую обеих пассажирок взглядом. Малая сидит спокойно, да и «старшая» на удивление тихо ведет себя.

– Екат… кхм… – осекаюсь, понимая, как глупо будет, если при таксисте я назову ее полным именем. – Катя, – выбираю наиболее оптимальный вариант и удивляюсь, когда она вздрагивает и хлопает ресницами. – Мне на мероприятие нужно срочно. Не успеем вас домой завезти. Никак. Подождете в машине? Там дел минут на двадцать от силы.

Готовлюсь к сопротивлению. Откажется – отправлю с таксистом домой. Пусть сама выгружается и сумки свои с ребенком тащит. Оно мне надо – опекать их и беспокоиться?

– Конечно, милый, – произносит так ласково, что я почти верю.

Ключевое слово «почти». Вот актриса! Да чего она вообще ко мне прицепилась!

Завожусь с полуоборота, готов взорваться. Лицемерие Екатерины задевает за живое. Не понимаю, почему. Наверно, потому что не привык, когда играют со мной. Обычно я устанавливаю правила, особенно с женщинами. А тут. Анархия какая-то!

Поспешно отворачиваюсь и устремляю взор на дорогу, постепенно успокаиваясь. Окончательно беру себя в руки, когда мы прибывает в пункт назначения. Спешу покинуть такси к чертям, как слышу голос Екатерины:

– Димочка, оставь мне телефон, а то я даже позвонить тебе не смогу в случае чего, – не говорит, а мурлычет.

За одного «Димочку» хочется ее из машины выбросить. Только сначала разогнаться до двухсот километров в час, а потом… Фу, Дима, откуда столько кровожадности! Тем более по отношению к бабе! Их-то всегда любил…

Молча выуживаю мобильный из кармана брюк и возвращаю нахалке, лишь бы прекратить этот приторный разговор. А телефон все равно запаролен, хрен с ним.

Сутки. Всего лишь сутки – и я забуду их обеих как страшный сон.

С этой воодушевляющей мыслью мчусь к зданию детского развивающего центра, по пути поправляя удавку на шее и застегивая пиджак. Перед входом замечаю толпу людей, значит, мероприятие еще не началось.

И нет, это не я успел. Скорее, они дождались. Но мне не стыдно. Ровно до тех пор, пока не замечаю среди присутствующих нашего главу муниципалитета. Какого черта? Он же меня прислал! Невозмутимо пожимаю Алексееву руку, изучаю с подозрением.

– Ждем, а вас все нет. Как опрометчиво, Дмитрий Николаевич, я ведь вам доверял, – издевается Илья Викторович, хотя я знаю, что он несерьезно. – Там Емельяненко нагрянул, поэтому и я примчался, – добавляет уже тише. – Идем ленту перережем, на камеры поулыбаемся. Дальше ты можешь отправляться отдыхать, а я разберусь с Емельяненко, – хлопает меня по плечу и ведет к крыльцу здания.

Герман Алексеевич Емельяненко – член правительства, весьма важная птица. И, честно говоря, на столь незначительном мероприятии его увидеть я точно не ожидал. Впрочем, это его родной город, и немудрено, что он часто здесь бывает, заодно и пиарится на фоне любви к малой родине.

– Дмитрий Николаевич, рад видеть, – расплывается Емельяненко в улыбке, едва заметив меня. – Молодым везде у нас дорога, – спешит всучить мне ножницы.

Прикусываю язык, чтобы не продолжить поговорку.

– Взаимно, Герман Алексеевич, – выжимаю из себя и подхожу к натянутой красной ленте.

За два конца ее держат неискренне улыбающиеся работницы центра. Стараются выслужиться перед властью, да только нам плевать. Справа от меня становится Алексеев, слева Емельяненко, ну а я окружен, но не сломлен. Хоть и чувствую себя словно между ангелом и демоном. Кто из них кто – сказать сложно.

Позируем с несчастными лоскутами красной ткани, изрезанными в лохмотья ради удачного фотокадра. Улыбаемся на камеры, пока скулы сводить не начинает. А к горлу подкатывает тошнота. Мы ничем не лучше тех самых подобострастных сотрудниц центра. Играем, а сами преследуем каждый свою

цель.

Пока прохожу внутрь здания, жмурясь от вспышек фотоаппаратов, почему-то уношусь мыслями к Екатерине и мелкой. Вот уж кто искренен, так это Маша. Но стоит ей подрасти, как этот мир испортит и ее. От такой простой истины почему-то становится противно.

Еще эти дети, окружающие меня, стоит лишь переступить порог актового зала. Галдят, смеются, все им ни по чем. Слушаются только строгих окриков педагогов. Здесь своя иерархия.

На «сцену» выходит Емельяненко и долго вещает о том, как доблестные «слуги народа» бороздят просторы родины, делая ее лучше и благополучней. Врет, как дышит. Все мы такие.

Следом выступает Алексеев, но он, благо, лаконичен. Между официальными «спичами» на сцене разворачиваются а-ля концертные номера. А попросту, народная самодеятельность с привлечением несчастных детишек. Никогда не понимал, что организаторы пытаются показать таким образом, но со временем привык.

Когда очередь доходит до меня, я бросаю буквально пару общих фраз, не желая мучить несчастных детей усыпляющими речами. И так коллеги постарались на славу.

Терплю общее фото. Прощаюсь с коллективом центра – и спешу покинуть давящее помещение.

Но застываю ровно посередине зала.

Потому что прямо ко мне, не сворачивая и не замедляясь, как танк, направляется Екатерина с Машей на руках. Еще и улыбается так преувеличенно радостно. Точно что-то задумала.

Глава 10

Искоса поглядываю на часы: я здесь минут тридцать-сорок. Дольше, чем обещал, но могла бы и потерпеть.

Катя приближается практически вплотную, неожиданно целует в щеку, как… мужа? И взмахивает ресничками. Синхронно с щелчком затвора одного из фотоаппаратов.

– Димочка, мы соскучились, – мяукает тоненько и подмигивает.

Чувствую, что нарочно меня выводит. Словно хочет, чтобы я послал ее при всех. Наорал, пинками погнал, опозорил себя.

И несмотря на то, что действительно очень хочется именно так поступить, я выбираю иную тактику. Укладываю ладонь на ее поясницу, с удовлетворением ощущая, как нахалка напрягается. Притягиваю к себе, чуть наклоняюсь и, выдержав паузу, целую не ее, а малую. Екатерина шумно выдыхает, пытается отстраниться, но я ей не позволяю. Сама затеяла эту игру, пусть наслаждается!

Окончательно дезориентировав врага, разворачиваю хрупкую женскую фигурку и подталкиваю к выходу.

– Дмитрий Николаевич, с женой не познакомите? – раздается позади бас Емельяненко, а следом поддакивание Алексеева.

Побег не удался.

Разворачиваемся к «начальству», и Екатерина ощутимо вздрагивает в моих руках. Ее страх течет по моим венам, заражает кровь, а где-то в глубине души возникает непроизвольное желание защитить. Но оно очень глубоко, поэтому без труда заталкиваю его обратно.

Не понимаю, с чего нахалке бояться главу Алексеева, а тем более Емельяненко. Проблемы с законом? С подозрением смотрю на Екатерину. И все же крепче сжимаю ладонь на ее талии.

– Что же в вашем личном деле ни слова о такой красоте нет? – подходит ближе Емельяненко. – Вы, оказывается, семейный человек, Дмитрий Николаевич?

Тем временем Алексеев сканирует меня со смесью шока и подозрения. Ему ли не знать, какой из меня «семьянин», бок о бок же работаем…

Вдох и медленный выдох. Как бы сдержать кипящую во мне ярость и не снести всех здесь взрывной волной? Первым делом Екатерину. Подставила так подставила! А ведь даже предъявить ей нечего. Просто пришла, просто поздоровалась, просто пустила все мероприятие под откос. Мастер!..

Не дождавшись моего ответа, Емельяненко переводит взгляд на Екатерину, приветствует ее как-то чересчур приторно. Та лишь слегка кивает в ответ. Через секунду нас окружает пресса: угораздило же очутиться рядом с членом правительства под прицелом объективов! Да еще в компании женщины, что хочет повесить на меня своего ребенка. И упорно идет к цели, не гнушаясь никакими методами. Как теперь выкручиваться, ума не приложу. Подумаю об этом потом…

Ситуацию неожиданно спасает Маша, которая заходится громким плачем. «Прикрываясь» ребенком, оперативно прощаюсь с руководством – и, схватив Екатерину за локоть, слишком сильно и наверняка больно, я покидаю зданию.

– Какого черта ты устроила? – цежу тихо, стоит нам оказаться на улице.

– Тебя не было слишком долго, – невозмутимо щебечет Катя. – Маша устала.

Ни единому слову не верю, но понимаю, что ничего не добьюсь, только сильнее разозлюсь.

– Дома поговорим, – рявкаю, усаживая обеих в машину.

Тьху, звучит как! Будто мы в браке лет десять. Отвратительно!

При этом понимаю, что сам я дома сегодня окажусь нескоро. Меня ждут в компании. Не начинают планерку без меня, уже полдня как…

Направляю такси к особняку. Там помогаю Екатерине с мелкой и их вещами. Передаю «гостей» под опеку недовольной Эльвиры. Она-то надеялась больше не увидеть их. Впрочем, как и я…

Наконец-то, пересаживаюсь в свой автомобиль и успокаиваюсь по дороге на фирму. Вождение всегда помогает мне прийти в норму. Поэтому когда паркуюсь возле трехэтажного делового центра, чувствую себя вполне уравновешенно.

Коллектив встречает меня с привычной любезностью, руководители нужных мне отделов в сборе, так что начинаем незамедлительно. Официально наша компания занимается ресторанным бизнесом. Правда, большинство отчетов я пропускаю мимо ушей: за ними следит мой верный пес (в самом хорошем смысле фразы) – заместитель Олег Иванов. Грузный, вечно потеющий мужчина сорока пяти лет, с залысинами на лбу, седыми висками и мешками под глазами. При этом профессионал своего дела: и персонал контролирует, и бухгалтерию ведет. Идеальный зам.

Планерка длится около часа и завершается на весьма оптимистической ноте: доходы растут, проекты разрабатываются, партнеры привлекаются, проверки компании нарушений не выявляют. В общем, пашем дальше.

Сотрудники покидают кабинет, и остается лишь Иванов.

– Есть что-нибудь интересное? – многозначительно киваю ему на стул напротив.

Олег плотно закрывает дверь, некоторое время роется в своем портфеле, даже нервировать начинает. Но потом наконец выуживает папки.

Начало неплохое…

– Да, два объекта. Первый – в одном из лучших районов города. Дела не так уж плохи, но…

Пробегаю взглядом бумаги. Ресторан «Роял». Прекрасно знаю его владельца, он не из тех, кто позволит довести свой бизнес до банкротства. Скорее всего, временные трудности. В любом случае, с ним аккуратнее нужно.

– Нет, – чеканю строго. – Этот нам не по зубам… Пока… Подождем пару месяцев. Следи за ним.

Иванов кивает поспешно и забирает папку, мгновенно раскладывая передо мной другую. Объект гораздо мельче и проще, но…

– А вот этому мы вполне в силах помочь, – усмехаюсь, предвкушая пусть и маленький, но все же куш. Копейка к копейке, как говорится. – Через пару дней сделаем ему предложение, от которого невозможно отказаться.

– Понял, – шустро отзывается Иванов, собирает бумаги и испаряется.

Нравится он мне, понятливый. А еще больше радует перспектива подмять под себя очередной мелкий бизнес. Ну хоть одна хорошая новость за сегодня!

Глава 11

На следующий день

Екатерина

Утром дожидаюсь, пока Дима покинет дом, и только потом выскальзываю из своей комнаты с Машей на руках. Не хочу пересекаться с ним. Позволяю себе эту маленькую слабость. Но только сегодня! Я почти смирилась с мыслью, что мне нужно будет проводить с Димой каждый день, лицезреть снисходительно ухмыляющееся лицо, слышать ехидные нотки в пусть и приятном, но чужом голосе. И тихо ненавидеть каждую черточку, каждый жест, каждое слово – все, что связано с депутатом Щукиным. Ненавидеть, но при этом улыбаться. До определенного момента…

Останавливаюсь возле двери в кабинет. Оглядываюсь, прислушиваюсь к окружающим меня звукам – и только потом толкаю ее плечом. Открывается с чуть заметным, но противным скрипом. Сквозь образовавшийся зазор заглядываю внутрь. Обстановку я успела запомнить еще когда мы с Димой здесь были в первый раз. Не теряла зря времени, пока мы целовались. Воспоминание вызывает смешанные чувства: хочется вытереть губы, желательно наждачкой, и в то же время… тянет попробовать еще раз. И за одно только это допущение начинаю себя ненавидеть. Спешу списать странную реакцию на опытность Димы

в части обольщения женщин. Но я не поведусь! Предупреждена, значит, вооружена.

Делаю шаг, чтобы переступить порог кабинета. Осознаю, что немного форсирую события. Но не собираюсь пока делать ничего предосудительного. Просто немного погуляем с Машей.

За спиной раздается звук открывающихся дверей. Дима специально петли не смазывает? Чтобы следить, кто, когда и куда вышел? Однако мне его бесхозяйственность только на руку.

Поворачиваюсь и встречаюсь взглядом с Эльвирой. Она застыла в гостиной и сканирует меня. На ней новый костюм, на этот раз горчичного цвета, да только натура под ним все та же. Женщина сжимает губы, вытягивается, как тушканчик на охоте, готовится к смертельному прыжку. А я лишь усмехаюсь.

– Ты еще здесь? – плюется ядом, да только у меня иммунитет выработан.

Эльвира продолжает скользить по мне взглядом, медленно, изучающе и с отвращением. Останавливается на Маше, кривится, искажая свое идеальное лицо. А я импульсивно прижимаю ребенка к себе. Надо будет – в горло за нее вгрызусь кому угодно. Но Эльвира нападать не спешит. Вместо этого переводит внимание на приоткрытый кабинет за моей спиной.

– Ма-ама! – вскрикиваю я, отвлекая ее. – Доброе утро! Чай? Кофе?

Потанцуем позже – добавляю мысленно и нагло иду в кухню. Будто это не она, а я здесь хозяйка.

– Да вы не стесняйтесь, проходите! – щебечу приторно. – Сейчас и Машу накормим, и с вами поговорим по душам. Родные же люди!

Усаживаю малышку в стульчик, фиксируя ремешками: слишком уж Маша подвижная в свои полгода. А сама поворачиваюсь к Эльвире, одаривая ее глупейшей улыбкой.

– Ма-ама, – развожу руками, приглашая «свекровь» присоединиться. – Айда к нам!

Женщина багровеет от злости. Жду, когда у нее пар из ушей повалит, но она просто разворачивается и быстрым, но грациозным шагом направляется к выходу. По пути достает мобильный и набирает номер тонкими пальцами, то и дело цокая по дисплею искусственными ногтями.

Входная дверь громко хлопает. Но я даже не успеваю вздохнуть с облегчением, как она распахивается вновь.

Эльвира возвращается, еще более красная и недовольная. Заметно психует, но молчит. Занимает в гостиной диван, откуда открывается хороший обзор на кухню, кабинет и нашу с Машей комнату. Хватает в руки один из журналов, лежащих на стеклянном столике, и делает вид, что погружена в чтение.

Ясно! Дима приставил ко мне наблюдателя. Пусть…

Игнорируя Эльвиру полностью, занимаюсь нашими с Машей делами. И в будничной суматохе на мгновение забываю, где я и зачем. Словно у меня и правда полноценная семья. Жизнь, о которой я всегда мечтала, счастливая, беззаботная. А вечно недовольная свекровь, наоборот, придает картинке реалистичности. Классика!

Чувствую влажные капли на своем улыбающемся лице – и это отрезвляет. Моим мечтам сбыться не суждено. Знаю, что и от мести легче не станет, но больше мне ничего не осталось.

Подхватываю Машу на руки и спешу спрятаться в своей-чужой комнате. Пару секунд, чтобы привести себя в порядок, и я опять буду в порядке. Насколько это возможно для человека, потерявшего все.

Эльвира, кажется, оставляет свой "пост", освобождая гостиную. Тем не менее, исследовать дом сегодня я больше не решусь. Осторожнее надо быть.

Сначала Дима должен принять дочь. И я дождусь этого «радостного» события…

Щукин возвращается домой очень рано. Я едва успеваю уложить Машеньку, как слышу грохот входной двери и короткий, строгий оклик «Екатерина!». А тон такой, словно это команда собаке «Ко мне! К ноге!» Наверно, нескоро к этому привыкну. С другой стороны, мне и не придется. Если все пойдет по плану, то нужно продержаться здесь всего пару месяцев. До начала осени… Управлюсь раньше – свободна, как птица!

Эта мысль придает мне сил и настроения, поэтому не просто выхожу, а выпархиваю из комнаты. Намеренно натягиваю кукольно-лицемерную улыбку на лицо, потому что Диму она, как я успела заметить, нервирует и выбивает из колеи одновременно.

Но сейчас… Все мои немногочисленные уловки не работают.

Щукин доволен, как кот, от пуза наевшийся сметаны. И я бы решила, что он только что из постели очередной своей пассии, имени которой даже не запомнил, но…

В его руках возникает большой конверт, а я все понимаю без слов. Пришли результаты теста ДНК.

***

Судя по сияющему лицу Димы, он пока не заглядывал внутрь. Ведь так? А что если…

Второй вариант развития событий холодными лапами проникает в мое сердце, сдавливает и замораживает кровь. Задерживаю дыхание, потому что оно кажется мне слишком громким и судорожным. Предательски выдает мои эмоции!

– Вот это правильная реакция, дорогая, – хмыкает Дима, наблюдая за мной. – Вещи собрала? – демонстративно заглядывает за мою спину, будто готовые чемоданы там ожидает увидеть.

Закусываю губу, до боли и чуть ли не до крови. Сложно сохранять невозмутимость, когда Щукин такой… уверенный и несокрушимый!

Но молчу, не тороплюсь оправдываться или что-то объяснять. Терпеливо жду, что он скажет. А у самой все внутри в узел скручивается.

– Ладно, упустила ты свой последний шанс уйти без скандала, – Дима окидывает меня подозревающим взглядом, забирается в душу, но от него она заперта на сто замков!

Рукой указывает мне присесть на диван, и я поспешно слушаюсь, мысленно ругая себя за то, что так легко поддаюсь волнению. Щукин становится напротив и надрывает конверт. Вместе с шелестом бумаги раздается мой шумный выдох. Все-таки Дима еще не видел результатов. А меня провоцировал. Отличный игрок. Профессиональный.

Но теперь моя партия.

Откидываюсь на спинку дивана расслабленно, укладываю руку на подлокотник, скрещиваю ноги. Смотрю вызывающе и дерзко. Жду.

Дима разворачивает бумаги. Движения четкие, грубые, уверенные. Надо же, даже руки не трясутся. Ничего, скоро будут.

Медово-огненный взгляд стреляет в меня напоследок, а потом устремляется в письмо из клиники.

– Исходя из результатов исследования, полученных путем… – мужчина пробегает глазами текст и глотает слова. – Так… Екатерина Ильина… – услышав свое имя, невольно закашливаюсь. – Ну, тут все и так понятно… – поспешно переворачивает страницу. – Вот. Дмитрий Щукин…

– Димочка, может, водички? – щебечу нарочито приторно, на грани с издевкой.

Мужчина бросает на меня уничтожающий взгляд исподлобья и жестом приказывает утихнуть. Я лишь улыбаюсь шире, доводя его до точки кипения.

– Вероятность отцовства составляет 99,9%, – зачитывает медленно. – Биологический отец тестируемого ребенка. Данная вероятность… – продолжает машинально, пока сам погружается в глубокий шок.

А я тем временем упиваюсь его реакцией. Дима такой удивленный, растерянный. Впервые в его жизни что-то идет не по плану. Не так, как он решил и приказал.

– Какого?.. – очнувшись, зло выплевывает Дима. – Чушь!

– Тест на отцовство не врет, – хмыкаю победно. – Ты сам клинику выбирал.

Бледнеет, спадает с лица. Поднимает палец вверх, приказывая мне замолчать. А сам больше ни слова выдавить из себя не может. Резко разворачивается и уходит, направляясь в кабинет.

С ехидной ухмылкой смотрю ему вслед. Хочет сбежать? Поздно!

– Тише, Димочка, не хлопай дверью. Твоя дочь спит, – не могу удержаться от контрольного выстрела.

Щукин замирает на пороге. Вижу, как напряжена его спина, как лихорадочно поднимаются и опускаются плечи, как мощная ручища яростно сминает бумаги с ДНК-тестом, хотя вместо этого с удовольствием сжалась бы на моей шее.

Так и не оглянувшись, Дима скрывается в кабинете, все же аккуратно прикрыв за собой дверь.

Глава 12

Екатерина

Некоторое время во мне будто борются ангел и демон. Как поступить? Оставить Диму наедине со своим «горем» или подлить масла в огонь?

Гипнотизирую взглядом закрытую дверь кабинета, словно воспламенить желаю, а вместе с ней и все внутри. А потом резко поднимаюсь с дивана. В конце концов, для чего я здесь? Чтобы отсиживаться в стороне? Нет уж, нужно действовать.

В кабинет захожу без стука, вплываю бесшумно. Дима сидит за рабочим столом, в огромном кожаном кресле, поистине «директорском», а точнее, депутатском. Да только не выглядит больше смелым и уверенным в себе политиком. Дима поникший, огорченный и шокированный. Но я не чувствую к нему ни капли жалости.

Заметив мое появление, Щукин смотрит исподлобья, но не произносит ни слова. Потому что сказать нечего, и тем более в свойственной ему язвительной манере.

Его рука сама машинально тянется к стакану, и я только сейчас замечаю бутылку на столе. От всей картины меня передергивает, а горло душит тисками отвращения. Поглубже прячу не вовремя накатившие воспоминания и делаю вдох.

А дальше… Будто наблюдаю за собой со стороны.

Неконтролируемым вихрем оказываюсь рядом с Димой, выхватываю стакан и выливаю его содержимое в стоящий возле ноутбука горшок с кактусом. На мгновение замираю, пялясь на несчастное растение, что попалось под горячую руку. Впрочем, ненавижу кактусы – под стать себе его Дима выбрал!

Медленно перевожу взгляд на Щукина, предвкушая взрыв. Признаю, с моей стороны поступок действительно был импульсивным.

– Такой пример ты собираешься подавать дочери? – говорю в свое оправдание, а для пущей убедительности укоризненно цокаю языком.

Но Дима все так же молчит. Испепеляет глазами, подается вперед, укладывает руки на стол, скрестив кисти в замок. И ни слова. Ни звука. Только взгляд, пронзающий огненно-медовыми стрелами. Целится прямо в сердце, которого у меня больше нет.

Невозмутимо подхожу к столу и усаживаюсь на его край, закинув ногу на ногу.

– Ну что, нам с Машей собирать вещи и уезжать? – спрашиваю Диму с ухмылкой.

Пока он продолжает играть в молчанку, искоса бросаю взгляд на бумаги, разложенные перед ним на столе. Все те же результаты теста ДНК. Мои и Щукина. Рядом. Дима словно сравнивал, искал подвох. Малейшую зацепку. Но… Пробегаю глазами текст и убеждаюсь, что все идеально. Я – мать, он – отец, Машенька – наша общая лапочка-дочка. Счастливая семья.

Окончательно расслабившись, улыбаюсь Диме и даже касаюсь пальчиками его напряженных рук, провожу по запястьям. Я уверена, что в данный момент он видит во мне лишь причину всех своих бед, а не женщину. Поэтому играю, провоцируя и раздражая его. Но допускаю роковую ошибку.

Дима чересчур резко, не дав возможности сориентироваться, сгребает меня в охапку. А в следующее мгновение я уже сижу у него на коленях. Одна рука Щукина покоится на моей талии, придерживая, чтобы я не упала или… не сбежала. Второй он вдруг сжимает мой подбородок, притягивая ближе. Наши лица напротив, и я чувствую обжигающее дыхание на губах, когда Дима начинает говорить.

– Я все это время был уверен, что даже не знаком с тобой, – заявляет хрипло, пристально рассматривая мои черты.

В этот момент чувствую себя будто голой. Ощущение, что Щукин видит меня насквозь. И давно просчитал все ходы.

– Наша ситуация странная и подозрительная, – продолжает размышлять вслух. – И ты… странная, – почти касается моих губ своими.

Делает паузу, но, не дождавшись никакой реакции, сильнее вжимает мое тело в свое. Вздрагиваю и хочу вырваться. Чувствую себя птицей, попавшей в силки. Тем временем пальцы Димы сильнее, до боли впиваются в мой подбородок.

– Если это какая-то игра, – выдыхает чуть слышно, но при этом тон его звучит жестко и опасно, – тебе лучше признаться во всем прямо сейчас.

Наклоняется к моему уху так, что мы касаемся щеками. Подобная близость убивает меня, дезориентирует. Сейчас есть только я, ненавистный Щукин и… его угрозы.

– Иначе потом ты пожалеешь, – щекочет кожу дыханием, – и ответишь за каждое слово лжи. Я предупредил, детка.

И следом… он проводит языком вниз по моей шее, отправляя в нокаут сердце и разум. Неожиданно целует, оставляя грубый засос на коже. Убеждена, что намеренно! Щукин испытывает меня? Считывает реакцию? Или просто берет то, что, как он думает, априори принадлежит ему? В конце концов, если мы с Димой спали, и у нас общий ребенок, то его поведение вполне закономерно.

– Тесты не лгут, – повторяю дрожащим голосом как мантру, прикрываясь бумажками, словно щитом.

Дима отстраняется, но не спешит отпускать меня. Все еще изучает. А я судорожно размышляю, как избавиться от удушающей близости, при этом не вызывая лишних подозрений. Попутно ругаю себя за то, что вообще приперлась к нему, когда он такой злой. Надо бы пометить себе этот пунктик и никогда не нарушать.

Ситуацию спасает внезапная вибрация смартфона в заднем кармане моих джинсовых шортов. Чуть ли не подпрыгиваю на Диме, собираюсь слезть с него, ведь он как раз убрал руку с моего лица и ослабил хватку. Но хищник, кажется, не наигрался с жертвой.

– Любовник? – Щукин возвращается к своей привычной саркастической манере речи.

Однако расслабляться мне рано.

– Примеряешь на себя роль ревнивого мужа? – парирую я, но голос срывается.

Горячая мужская ладонь ползет вверх по моему обнаженному бедру. Вот уж не думала, одеваясь этим утром, что так бездарно подставлюсь. И уж тем более соблазнять Щукина не собиралась. Просто натянула первые попавшиеся домашние шорты, старые, с модными разрезами, но… слишком короткие.

Рука Димы не останавливается, нагло ныряет в мой карман и выуживает оттуда телефон. Не отпуская меня, мужчина смотрит на дисплей, прищурившись.

Наблюдаю за его выражением лица настороженно, хотя внутренне понимаю, что ничего криминального он там не увидит.

– Познакомишь с тещей? – хмыкает ехидно, но уже намного спокойнее.

Отдает мне телефон, на дисплее которого красуется контакт «мама». Бросаю неоднозначное «угу», поднимаюсь и спешу оставить чертов кабинет. Сбежать как можно дальше от Щукина, собраться с духом. Да и мама не любит ждать или перезванивать – вспоминаю нервно, вновь ощутив волну вибрации.

– Вы обе, – летит мне в спину от Димы, – остаетесь.

Выбор третий. Глава 13

Екатерина

Несколько дней спустя

Принимать душ, когда за стеной ребенок, пусть даже спящий, – так себе удовольствие. Скорее, балансирование на грани сумасшествия. Сквозь шум воды то и дело пробивается тонкий детский крик. Каждую минуту я прикручиваю кран, чутко прислушиваюсь – и понимаю, что опять показалось! Стоит включить воду, как дурацкие галлюцинации возвращаются. Это нормально вообще? Или я такая неадекватная мать?

Смирившись с тем, что насладиться душем в ближайшие месяцы мне не удастся, стремительно смываю с себя гель с запахом кокоса и ванили. Раньше меня всегда успокаивал этот аромат, а сейчас… только напоминает о прошлом, сильнее раздражая. Обязательно сменю на новый!..

Перекрываю поток воды, распахиваю створки душа – и опять до моих ушей доносится детский писк. С ужасом понимаю, что на этот раз он настоящий!

Хватаю полотенце, что висит ближе всего, на ходу обворачиваю вокруг себя, отмечая, что оно слишком короткое. Но плач Машеньки становится громче и

жалостливее, переходя на крик. Поэтому мчусь пулей к ней, то и дело проезжая босыми мокрыми ногами по кафелю.

И все же успеваю похвалить себя за то, что выбрала именно эту комнату. Пусть она гостевая, но зато здесь собственная ванная! В противном случае я бы точно не решилась отправиться в душ, оставив Машу надолго и далеко.

Дверь толкаю плечом, буквально вваливаюсь к Маше. Слышу ее крик совсем рядом, что пугает и парализует. Слишком тороплюсь, безумно нервничаю. В какой-то момент поскальзываюсь на «голом» участке паркета и теряю равновесие.

Лечу, зажмурившись, и падаю… Точнее, жду, когда встречусь с дурацким паркетным полом – причиной моих бед, но вместо этого оказываюсь в крепких мужских руках. Вдыхаю знакомый запах кофе и благородного парфюма. Я готова застонать от безысходности в этот момент.

Да откуда Дима вообще здесь? Последние дни он мастерски избегал нас с Машей, пропадал на работе и бесконечных мероприятиях. А в перерывах, скорее всего, снимал напряжение с очередной бабой.

Я же терпеливо выжидала, когда он примет хоть какое-то решение, потому что пунктик по поводу «злого Щукина и последствий» красной лампочкой горел в моем сознании.

А сейчас Дима здесь, в моей комнате, прижимает к себе мое практически обнаженное тело. И Маша подозрительно притихла. Иногда мне кажется, что она на стороне своего новоявленного папочки.

Отталкиваю Диму, если вообще возможно сдвинуть эту махину. Чувствую, как с меня предательски сползает полотенце, но, к счастью, вовремя подхватываю его края руками, сжимая до боли в суставах.

– Какого черта ты тут делаешь? – шиплю скорее испуганно, чем со злостью.

А сама бросаю взгляд в сторону детской кроватки. И понимаю, почему Маша успокоилась. Просто отвлеклась на проектор звездного неба. При задернутых

шторах вполне видно. Правда, не помню, чтобы я его включала. Неужели Дима? Находчивый папашка! К слову, он же и заказал проектор, чтобы «малая не орала всю ночь и не мешала работать в кабинете». Точная цитата, между прочим!

– Я в своем доме, поэтому какого черта хочу, такого и делаю, – усмехается мужчина ехидно. – Думал, ты опять спишь без задних ног, пока Маша вопит.

Дима издевается надо мной?

Смотрю на него с яростью, а он переводит внимание на свой костюм, который после наших «объятий» покрылся влажными пятнами. Щукин явно злится, ведь любит, чтобы все было идеально.

– Еще и переодеваться из-за тебя. Одни проблемы приносишь, – рычит, отряхиваясь. – Кстати, собирайтесь. У вас полчаса! – отдает приказ.

– Что? Куда? – ахаю ошеломленно.

– У меня важная встреча, – отвечает коротко, отчего только больше вопросов появляется.

– Ну и? Мы тут при чем? – упираю руки в бока.

– Вы – моя семья, буду знакомить с важными людьми, – разводит руками.

От его небрежно брошенной фразы перехватывает дыхание. Вот так просто? Семья? Смотрю на Щукина с подозрением, а тот лишь гадко ухмыляется. Что-то тут не так!

– Мне нужно покормить Машу, – моя фраза звучит как согласие.

Впрочем, так и есть. Если подумать, то, какими бы ни были мотивы Щукина, все идет как нельзя лучше. Чем ближе мы к Диме, тем скорее я добьюсь цели.

– Помочь? – неожиданно предлагает, кивая на Машу и тем самым вводя меня в ступор.

– Возможно, – задумчиво тяну, сканируя его лицо, но эмоций не понимаю. – Но сначала выйди или отвернись хотя бы. Я халат накину, – рявкаю сердито и тянусь рукой к своим вещам.

– Хм, зачем? – наглость Димы обезоруживает. – Может, я так быстрее тебя вспомню.

Чересчур медленно скользит взглядом по моей фигуре, прикрытой лишь жалким куском махры. А в темнеющих янтарных глазах тем временем плавится мед. Похотливое животное, ненавижу!

Плевать на него!

Резко разворачиваюсь спиной, сбрасываю полотенце и быстро накидываю халат. Но недостаточно, судя по сдавленному кашлю Щукина. Оглядываюсь, замечая, как он ослабляет галстук. Удушить бы его им!

– Амнезия не лечится, когда пациент этого не хочет, – шепчу, а сама наблюдаю за реакцией Димы.

Нет, он не растерян. Наоборот, раздевает меня взглядом. Делает шаг ко мне, потом еще, заставляя попятиться назад и упереться лодыжками в прикроватную тумбочку. Недовольное хныканье Машеньки приводит Диму в чувства.

– Чайник поставлю, – хрипло бросает он и покидает комнату, позволяя мне наконец сделать вдох.

Глава 14

С Машенькой я и Дима справляемся на удивление быстро. На мгновение даже хочется забыться, представить, что рядом не он, циничный депутат, ведомый жаждой власти и денег, а… Но отгоняю от себя пагубную мысль, потому что слишком больно и сложно. Особенно когда Дима вдруг берет полностью собранную и готовую к поездке Машу на руки, хотя сам только недавно уверял, что никогда этого больше не сделает. Игнорируя меня, нахал просто

разворачивается и направляется к двери.

– Что? Куда? – мямлю я, а потом, спохватившись, мчусь следом. – Отдай Машу!

Щукин останавливается слишком резко, и я, не успев вовремя притормозить (дурацкий паркет!), врезаюсь в его спину. Переживаю, чтобы он не потерял равновесие от «небольшой аварии» и не уронил малышку. Но Дима несокрушим, как скала. И такой же жесткий и бесчувственный.

Оглядывается на меня, снисходительно окидывая взглядом, словно мошку надоедливую, и усмехается.

– Одевайся! Быстро! – приказывает так, как привык с подчиненными общаться. – Мы уже опаздываем. Поторопись! А я пока Машу в автолюльку посажу.

То ли от тембра его голоса, то ли от выражения лица, то ли просто причина в хорошем настроении, но малышка вдруг начинает хохотать. Заливисто и мило. Так, что мое израненное сердце екает. Порывисто приближаюсь, чтобы поцеловать Машу в лобик и провести ладонью по макушке.

– Уверен? – шепчу совершенно серьезно, внимательно смотря на Диму.

– Я с десятками сотрудников в горсовете справляюсь. Думаешь, с одной мелкой не смогу? – хмыкает самоуверенно.

Что ж, попробуй, депутат Щукин. С детьми возиться – это тебе не кресло целыми днями продавливать!

Слабо киваю, отпускаю их нехотя, а сама спешу переодеться. Домашней клушей на официальном мероприятии я точно выглядеть не хочу, но и слишком соблазнительный наряд будет неуместен. Останавливаю свой выбор на любимом юбочном костюме нежного розового цвета. Я знаю, что он мне идет. Точнее, шел, когда я была блондинкой, а сейчас… Впрочем, нет времени перебирать наряды!

Макияж дневной: чуть подвожу реснички, наношу тональный крем, а губы покрываю матовой помадой. Выходит вполне симпатично и по-деловому. Уложить волосы в прическу не успеваю, поэтому лишь слегка придаю им

приличную форму при помощи шпилек и невидимок.

На пороге вдруг вспоминаю о драгоценностях. Жена депутата не может выйти свет, не обвешавшись ими, словно елка новогодняя. Суматошно нахожу коробочку с золотыми сережками, колечком и кулоном, выполненными в едином стиле и инкрустированными россыпью рубинов. Стараюсь не думать, чей это подарок, чтобы не бередить свежую, кровоточащую рану.

Делаю глубокий вдох, приводя себя в чувства, и выхожу в гостиную. Краем глаза замечаю, как закрывается дверь в комнату Эльвиры. После того, как женщина узнала, что я остаюсь, он начала избегать моего общества. Объявила бойкот? Если так, то лишь облегчила мою жизнь!

Мельком бросаю взгляд на супер-плоский LED-телевизор, разместившийся на стене. Эльвира так шустро сбегала от меня, что даже выключить его не успела. Подумав, нахожу пульт, но замираю, устремив взгляд на экран.

По местному телевидению крутят новостной сюжет о мероприятии, куда я после клиники заявилась вместе с Димой. То и дело показывают кадры, где Щукин обнимает меня и аккуратно чмокает Машу. Со стороны мы выглядим так душевно, искренне, словно настоящая семья. Но сказку разбивает вдребезги политическая реклама с натянуто улыбающейся моськой Димы на весь экран. Неслучайно ее запустили сразу же после такого трогательного семейного спектакля. Отличный пиар.

Волна ярости и разочарования накрывает меня, ведь я четко осознаю, зачем мы вдруг понадобились Щукину сегодня. Очередная пиар-акция! И все случившееся в комнате Маши – исключительно для того, чтобы вжиться в роль и мою бдительность усыпить. Ай та Дима, ай да… Не гнушается даже ребенка использовать. Я, конечно, тоже не лучше, стерва еще та, как оказалось. Но хотя бы жалею о своем поспешном, предпринятом на эмоциях поступке. И почти решила, как исправить ошибку! Щукин же просто расчетливый подонок! Впрочем, сей факт развязывает мне руки полностью и уничтожает последние остатки сомнений!

Попиариться захотел, дорогой? Я такую предвыборную кампанию тебе обеспечу – закачаешься!

***

До последнего стараюсь делать вид, что ни о чем не догадываюсь. Мило улыбаюсь Диме, когда он галантно открывает передо мной пассажирскую дверь автомобиля. Терплю его оценивающий взгляд, скользящий по моему телу, и небрежное «неплохо» вместо комплимента.

На протяжении всего пути не произношу ни слова. Чтобы не вскипеть раньше времени, обращаю все свое внимание на Машу. Она – единственная, кто получает искреннее удовольствие от этой поездки. Гулит, рассматривает кожаный салон, улыбается. Сама того не понимая, исполняет роль моего успокоительного. Не замечаю, как смягчаюсь, расслабляюсь и пытаюсь заговорить с малышкой. Знаю, что она не понимает слов, зато чувствует настроение и ловит интонацию.

Смеюсь вместе с Машей, но осекаюсь, ощутив на себе пристальный взгляд Димы, который мигом возвращает меня в жестокую реальность. Подавляю нахлынувшие эмоции и заставляю себя игриво взмахнуть ресницами. Медовые глаза мужчины вспыхивают на долю секунды, но тут же переключаются на дорогу.

Через полчаса автомобиль паркуется на площадке перед японским рестораном. На первый взгляд, двухэтажное остекленное здание выполнено в европейском стиле. И только иероглифы на вывеске и азиатские сюжеты на фасаде выдают специфику заведения.

Недоуменно смотрю на Диму, а тот нагло меня игнорирует.

– Ты говорил, мы едем на мероприятие, – покашляв предупреждающе, недовольно заявляю я.

– Да, все верно, – хмыкает Щукин и разворачивается ко мне. – Здесь назначена встреча с инвесторами, которые думают вложить деньги в наш город, но пока сомневаются, – заговорщически говорит. – В непринужденной обстановке убедить их будет проще. Особенно если добропорядочный семьянин попросит помощи, – ухмыляется довольно, тешась своим планом.

Делаю глубокий вдох, намереваясь высказать Диме все, что я думаю о нем и его инвесторах, но он вовремя покидает машину. Пытаюсь взять себя в руки, настроиться на роль пусть не любящей жены, но хотя бы немного похожей на настоящую. И все-таки взрываюсь, когда Щукин распахивает дверь со стороны Маши и демонстративно берет малышку на руки.

Шоу начинается? Заботливый папка в деле?

– Отдай и не смей использовать ребенка в своих грязных целях! – шиплю, догоняя Диму у входа в ресторан, хотя подобные слова я должна и самой себе сказать.

– Слушай, – закатывает глаза Щукин. – Это моя дочь, а значит, меня понимает. И всегда будет на моей стороне. Да, Маша? – подмигивает девочке и слегка подкидывает ее на руках.

Вместо ответа малышка вдруг икает, а уже в следующее мгновение срыгивает на идеальную белую рубашку Димы. Не выдержал ребенок «американских горок», точнее, депутатских. Укачало в дороге, видимо, а встряска на руках недо-папашки стала последней каплей.

Щукин окидывает долгим взглядом Машу, но я не чувствую в нем злости. Скорее, недоумение. Потом он смотрит на свою безнадежно испорченную рубашку и хмурится.

– Чем ты ее накормила? – произносит Дима сквозь зубы, но тихо, чтобы не испугать Машу криком.

– Тем же, чем и обычно, – забираю ребенка, однако не могу сдержать довольной улыбки. – Ее просто тошнит от тебя. Вся в мать. Да, Маша? – дублирую тон Щукина и так же, как и он, подмигиваю малышке.

В холле ресторана нам с Димой приходится разделиться: он отправляется в уборную, надеясь замыть пятно. А я вздыхаю с облегчением, временно освободившись от его удушающей компании.

Но радость моя длится не долго. Потому что из зала выходит человек, которого я не желала бы видеть без особой необходимости.

– Добрый день, Катерина. Вас, кажется, так зовут? – нарочито громко выдает Емельяненко, осматриваясь в поисках Димы.

От командного голоса члена правительства Маша пугается и начинает хныкать. Видя ее реакцию, я только сильнее нервничаю.

Не обнаружив рядом со мной Щукина, Емельяненко делает пару шагов навстречу. Своим неожиданным маневром заставляет меня попятиться назад и упереться спиной в перегородку. Крепче прижимаю к себе Машу, подсознательно опасаясь, что в свете последних событий встреча с Германом Алексеевичем не сулит ничего хорошего.

Глава 15

– Какое прекрасное семейство у Дмитрия Николаевича, оказывается, – ухмыляется Емельяненко. – Стоило вам один раз появиться на мероприятии, как сразу его рейтинг подскочил. Любит наш народ примерных мужей и отцов, – хмыкает неоднозначно.

Догадываюсь, к чему ведет Герман Алексеевич, и, честно говоря, я сама не ожидала такого эффекта тогда. Цель моя была диаметрально противоположной: вывести Диму из себя, чтобы он показал настоящее лицо. Но я просчиталась. Лицемер не снял маски, а мое нападение использовал в своих интересах.

Лихорадочно думаю, как ответить Емельяненко и стоит ли вообще оправдываться. Но мои мучения прерывает наконец-то вернувшийся Дима. Впервые за все время я рада его видеть. Из двух зол, как говорится…

Правда, обнимать меня за талию и прижимать к себе – было уже лишним. Мне и у перегородки неплохо стоялось!

Зато Маша мгновенно успокаивается и затихает, с интересом уставившись на Диму. Маленькая перебежчица!

– Герман Алексеевич, вы уже здесь, – бодро приветствует Щукин «старшего товарища».

Протягивает свободную руку и крепко пожимает ему ладонь. Не как знакомому, а скорее, как другу…

– Да, и инвесторы тоже, – неестественно широко улыбается Емельяненко. – Я немного ввел их в курс дела. Дальше вы сами, Дмитрий Николаевич, а я лишь поприсутствую, – жестом приглашает нас в зал.

После поворачивается к нам спиной и первым переступает порог. Идет впереди, будто он здесь главный. Впрочем, так и есть.

Тем временем мне хочется сбежать, но тяжелая ладонь на талии не позволяет этого сделать. Понурив голову, плетусь туда, где абсолютно не хочу находиться. В компании людей, которых ненавижу. Как я вообще докатилась до подобного? Ко всему прочему, и Машеньку позволяю использовать в качестве аксессуара, отчего гадко на душе.

– Герман Алексеевич неофициально курирует мою предвыборную кампанию. И очень помогает, – тихо сообщает мне Щукин, пока мы неспеша движемся в зал.

Мне даже ответить нечего, слова застревают в горле. Поворачиваюсь к Диме и внимательно всматриваюсь в его лицо. Он серьезен как никогда. И искренне верит в то, что говорит.

Пусть так. Не мое дело!

– Будь любезнее с ним, – добивает меня полупросьбой-полуприказом.

– Может, еще в постель к нему лечь? – вспыхиваю я на нервах. – Ради твоей предвыборки.

Закусываю губу, пожалев о своих чересчур грубых словах. Но поздно…

– Неплохая идея, – задумчиво тянет Щукин, потирая подбородок. – Когда сможешь? Маше на пару часиков няню найму, – смотрит на меня без тени насмешки.

Он серьезно сейчас? Я ведь не удивлюсь! От него можно чего угодно ожидать. Приоткрываю рот, хватая воздух, но не могу ничего ответить от шока.

– Да шучу я, – смеется Дима слишком громко, но, к моему удивлению, Маша не пугается. – Глупая, – добавляет хрипло. – Видела бы ты свое лицо сейчас.

Притягивает к себе ближе и как бы невзначай чмокает меня в висок. Наклоняется к уху и шепчет, дыханием вызывая мурашки на коже:

– У Емельяненко бабы эффектнее. Так что придется тебе довольствоваться мной. Пока я добрый и еще не член правительства, – слегка целует в шею, но мне и этого хватает, чтобы вздрогнуть и покраснеть.

Резко вырываюсь из объятий Димы, отступаю на пару шагов и застываю на месте, хмурясь и негодуя.

– Дима, еще одно слово – и мы с Машей уйдем отсюда!

Испепеляю наглого Щукина недовольным взглядом, а он поднимает руки в знак капитуляции. Конечно, Дима не может остаться сегодня без «фиктивной семьи». Он же так настроился на образ семьянина.

– Кать, я не прошу лебезить, – произносит спокойным тоном. – Просто у тебя такой вид, будто тебя вот-вот стошнит на Емельяненко. Постарайся расслабиться. На Машу переключись, – зачем-то треплет малышку за щечку. – Ты когда с ней возишься, то перестаешь выглядеть… стервой, – последнее слово произносит одними губами, себе под нос, но я все равно слышу.

Обиженно фыркаю и ускоряю шаг, но Дима лишь вздыхает недовольно, будто только что упрочился в своем мнении по поводу меня. По пути лишь мельком успеваю взглянуть на внутреннее убранство зала в японском стиле: легкий изящный бамбук, бумага из сухих листьев, восточные сюжеты на стенах, столики четких прямоугольных форм, декоративные деревья бонсай… Интерьер

лаконичный и практичный. Мне могло бы здесь понравится, если бы не Щукин…

Находим нужный столик, скрытый от посторонних глаз за раздвижными ширмами из дерева цвета венге и молочного стекла. Стоит нам присесть, как Щукин незамедлительно начинает разговор с инвесторами, располагает их, убеждает. Стоит признать, язык у него подвешен, речь красивая и грамотная. И голос такой… приятный, успокаивающий, гипнотизирующий.

В суть разговора не вникаю, а в какой-то момент и вовсе абстрагируюсь. Следую совету Димы и полностью посвящаю себя Маше. Малышка ведет себя подозрительно хорошо, радостно осматривается по сторонам, а хныкать начинает только от звучного голоса Емельяненко. Но в этом свой плюс: заметив данную тенденцию, он стал говорить реже.

Ресторан покидаем где-то через час. Инициатором ухода выступает Машенька, которой пора кушать. Дима не спорит, реагирует молниеносно, оставляя инвесторов на Емельяненко. Так вжился в роль заботливого отца? Показушник!

По дороге домой молчу. Сдерживаю свои эмоции из последних сил. И взрываюсь только когда мы приезжаем, а Дима по привычке спешит к моей двери, распахивает и подает мне руку. Выхожу из машины, временно оставляя Машу в автолюльке, чтобы она не стала свидетелем моей стычки с ее «папашей».

– Мы больше не участвуем в твоей предвыборной кампании! – рявкаю уверенно.

Щукин угрожающе надвигается на меня, не оставляя между нами свободного пространства. Впечатывает мое хрупкое тело в металлический корпус автомобиля, а одной рукой упирается в дверцу, полностью лишая меня путей отступления. Так близко, что даже опасно.

– Вы будете делать то, что я скажу, – рычит Дима, обнажая свою истинную натуру. – За это останетесь здесь. Ты же этого добиваешься? – заявляет таким тоном, будто тайну мироздания раскрыл, а я лишь изумленно хлопаю ресничками. – После нашей ночи ты узнала, кто я. Родила ребенка, чтобы манипулировать мною. И примчалась за жильем, деньгами, статусом? – скользит по мне презирающим взглядом. – У тебя все будет, детка. Но взамен… – поддевает мой подбородок указательным пальцем и приподнимает, – ты станешь послушной женой. Взаимовыгодная сделка.

Опускает глаза на мои губы, наклоняется, а потом вдруг проводит по ним языком и впивается поцелуем. Не успеваю оказать сопротивление, впуская его, принимая грубые, жадные, животные ласки.

«Я всего лишь растерялась», – убеждаю себя мысленно, но поцелуя не прерываю. Ненавижу себя за это. И Диму.

– Вот и умница, быстро договорились, – хрипло произносит Щукин, с трудом оторвавшись от меня.

Разворачивается и направляется к дому. А я спешу забрать Машу. Только она поможет мне успокоиться. Отвлечет от того, что я только что сделала.

Предала память человека, ради которого я здесь…

Глава 16

Следующей ночью

Дмитрий

Сквозь сон ощущаю легкое прикосновение к щеке. Отмахиваюсь, как от назойливой мухи, мешающей спать, но упертая женская ладонь опять ложится на мое лицо. Так нежно, что даже приятно. За это почти готов простить все, в том числе и вторжение в мой заслуженный отдых.

Приоткрываю один глаз и в кромешной тьме могу различить лишь слабые очертания девушки, сидящей на краю моей кровати. Кажется, слышу слабый шепот. Эротичный такой, с придыханием.

Дожил, бабы во сне мерещатся! Реальную мне надо. А то с этими делами семейными скоро монахом стану.

Тонкие женские пальчики неуверенно спускаются к моему плечу, щекочут кожу по пути. А в нос проникает сладкий запах ванили.

Ай, ладно! Виртуальная баба так виртуальная! Когда я отказывался от того, что само плывет в мои руки?

Перехватываю запястье и резко дергаю на себя. Ночная гостья теряет равновесие и падает в мои объятия, ошеломленно ахнув. Второй рукой обвиваю ее талию, сильнее вжимая в себя. И, недолго думая, нахожу во тьме пухлые губы, жадно впиваясь в них.

Поцелуй выходит чересчур реалистичным. 3Д с полным погружением. Только погружение в перспективе, ближайшей. Забираюсь ладонью под шелковую маечку, скольжу по приятной наощупь, бархатной коже. Спускаюсь ниже, очерчиваю линию бедра, стискиваю нетерпеливо…

Начинаю подозревать, что это не сон. Особенно когда ощущаю укус на нижней губе. Девчонка поиграть решила? Люблю инициативных. Блин, перестаралась только, больно.

Завожусь с полуоборота, становится глубоко плевать, сон это или реальность. Аромат ванили окутывает и срывает крышу, которая и так слабо держится, когда рядом податливая, жаркая девчонка.

К черту все!

Крепко сжимаю горячее женское тело, рывком переворачиваю и впечатываю в постель, устраиваясь сверху. Скольжу рукой по плоскому животику вниз. Поцелуями вгрызаюсь в шею.

Кажется, девчонка сопротивляется, но не слишком настойчиво. Подобные жеманства меня точно не остановят, не сейчас. Наоборот, она только сильнее распаляет меня.

Но хлесткая пощечина, а вслед за ней несколько слабых ударов по спине – отрезвляют. Нехотя отрываюсь от манящей шеи, на которой так неистово бьется жилка. А я, как гребаный вампир, желаю впиться в нее губами. Но вместо этого

вздыхаю тяжело и тянусь рукой к лампе на прикроватной тумбочке.

Тусклый свет позволяет рассмотреть черты моей страстно-опасной ночной гостьи. И лучше бы я его не включал.

– Катя? Какого… – удивленно хриплю.

С другой стороны, жена моя, пусть и временная. Имею право. Но моя уверенность испаряется, когда обращаю внимание на ее заплаканное лицо и дрожащие губы.

– Меня испугалась, что ли? – мрачно тяну, чуть отстраняясь. – Сама виновата. Зачем приходишь ночью в постель к озабоченному холостяку? – пытаюсь отшутиться, но девчонка становится еще печальнее.

Пытаюсь считать ее эмоции, понять, что происходит. И выдыхаю с облегчением, когда Катя начинает объяснять.

– Нет, я… – с трудом говорит из-за сбивающегося дыхания. И мы оба понимаем, на что у нее такая реакция. – Маше плохо! – выдает, наконец, и слегка ерзает подо мной.

Не из-за меня ревет, что не может не радовать. Черт, и все-таки хочу ее, такую домашнюю, не размалеванную, настоящую. И в любой другой ситуации, с любой другой бабой хрен бы я остановился, потому что привык брать то, что хочу. Но сейчас вместо того, чтобы продолжить начатое, я резко остываю, когда до меня доходит смысл Катиных слов.

– Что значит «Маше плохо»? – хмурю брови. – Что случилось?

Приподнимаюсь на локтях, чтобы лучше видеть напуганное лицо Кати, с припухшими от слез глазами и розоватым носом. Остро желаю поцеловать ее в губы. И не только. А потом…

Но Маша… И когда я превратился в заботливого отца?

– Ее тошнит, температура высокая, не сбивается, – хнычет Катя, а сама в этот момент, как ребенок, которого хочется защищать. – Помоги, Дим, ты же врач, – добивает меня свой фразой.

– Откуда ты знаешь? – рычу нервно.

Катя медлит с ответом. Закусывает губу. Она специально меня провоцирует сейчас? Не видит, что и так еле держусь?

– На официальном сайте прочитала, там твоя биография, – шепчет чуть слышно.

Прищуриваюсь с подозрением. Не помню, чтобы я предоставлял сведения о своей врачебной практике. Я в принципе предпочитаю скрывать сей нелицеприятный факт биографии. Врачом я работал недолго, в клинике кузена. Ровно до тех пор, пока жестко не напортачил с назначениями одному тяжелому пациенту и чуть не угробил его. Видимо, я родился в рубашке, потому что несчастному мужику удалось выкарабкаться, а от суровой руки закона меня Влад прикрыл. Правда, с условием, что я в медицину больше ни ногой. Да я и сам только рад. На хрен надо. В депутатском кресле и теплее, и чище, и не убью никого. Надеюсь…

– Я не педиатр, а хирург. Причем через «е», потому что меня лучше не подпускать к пациентам, уж поверь, – рявкаю с внезапно накатившим раздражением и чувствую, как подо мной вздрагивает женское тело.

– Может, ты меня отпустишь? – тихо лепечет Катя, упираясь почти кукольными ручками в мои плечи.

Осознаю, что все еще вдавливаю ее в постель, ощущаю трепет миниатюрного и практически обнаженного тела (дурацкая шелковая пижама не в счет – одно название!). Дурею на долю секунды, а потом резко подрываюсь, пытаясь взять себя в руки.

Машу спасать надо. Но если я вмешаюсь, только хуже сделаю. Поэтому набираю номер единственного человека, которому смогу доверить здоровье своей дочери.

– Доброй ночи, Влад, – бодро кричу в трубку, на ходу натягивая брюки. – Не бубни, сон для слабаков. У меня малая заболела, сможешь в свою клинику позвонить, чтобы приняли нас сейчас?

Глава 17

Одного взгляда на Катю хватает, чтобы понять: сегодня она не боец. Дрожит вся, нервничает, плачет. Обычно женские слезы меня жутко раздражают, но сейчас… почему-то хочется ее обнять. Сдаю позиции. Иллюзия семьи меня заражает и выбивает из привычного ритма жизни. Так и до пуза с газетой недалеко.

Передергиваю плечами и позорно сбегаю из своей же спальни. Слышу, как «жена» покорно плетется следом.

Стоит мне войти в комнату Маши, и я понимаю страх Кати. Малышка мяукает жалобно, мучается и вся горит. Убеждаюсь в последнем, приложив пальцы к ее крохотному лбу.

Так, надо срочно приводить в чувства Катю. Потому что сам я с ребенком не справлюсь. На руки брать, переодевать, подгузники менять. Нет уж, к такому меня ни жизнь, ни депутатская карьера не готовили. Увольте!

Пару секунд изучаю содрогающуюся от всхлипов Катю, приближаюсь к ней и аккуратно беру за плечи. Хочу поймать ее взгляд, но девчонка упорно прячет лицо. Опускает голову, пытается высвободиться из моей хватки.

– Котенок! – неожиданно зову я.

Катя чуть не подпрыгивает на месте, поднимает на меня округлившиеся от шока глаза. Смотрит недоуменно и растерянно. Думает, наверно, что ослышалась. И куда делись ее спесь и стервозность? Даже реветь прекращает мгновенно. Бабы такие бабы. Но зато шоковая терапия сработала!

– Собери Машеньку, сама переоденься. И побыстрее. Справишься? – дожидаюсь, пока она слабо кивнет. – К врачу поедем. Хорошо все будет, ясно? – добавляю строго.

Некоторое время наблюдаю за действиями Кати, помогаю по возможности, но в большей степени контролирую процесс. Удаляюсь, когда «жена», забывшись, начинает шустро переодеваться сама. Шоу, конечно, занимательное, но я тоже не железный.

Дожидаюсь ее уже в машине. Всю дорогу Маша плачет. Надрывно так, что хочется с размаху удариться головой об лобовое стекло. Потому что слишком сложно чувствовать на себе такую ответственность. Одно дело, когда речь идет о народе, которому самому палец в рот не клади: если надо что-то, запинает и мозг затюкает. И совсем другое, когда от тебя зависит беззащитный ребенок. Ты единственный можешь помочь ему, но не знаешь, как…

Когда, наконец, подъезжаю к клинике Влада, голова раскалывается на части. Замечаю, что Катя тоже чувствует себя паршиво. Поэтому, вздохнув, беру у нее Машу. Пусть бедная малышка мне на ухо кричит.

В приемной нас встречает медсестра, лебезит и что-то звонко щебечет. Честно говоря, даже внешности ее не запоминаю. Но слушаю внимательно, выхватываю нужную мне информацию. Чувствую себя на каком-то важнейшем совещании. Только хуже…

– Ваш педиатр Иван Евгеньевич будет с минуты на минуту, – сообщает девушка и потихоньку начинает раздражать своей улыбчивостью. – А Владислав Романович… – осекается, глядя мне за спину. – Вот он как раз приехал!

Смысл ее слов до меня доходит не сразу. Потому что не могу поверить. И лишь обернувшись, убеждаюсь, что мне не послышалось. Действительно, Влад примчался. С чего бы это?

Передаю Машу в руки растерянной Кати, усаживаю их на диван. А сам направляюсь к брату.

– Быстро ты из соседнего города приехал, – хмыкаю вместо приветствия, пожимая ему руку. – От жены убегал?

– Спешил на твою глянуть. Надо же знать, какой несчастной такое чудо, как ты, досталось, – не остается в долгу Углицкий. – Принял все-таки ребенка? – добавляет серьезно и тихо.

– Не знаю, Влад, – отвечаю честно. – Не верю до конца…

– В лаборатории, контакты которой я тебе скинул, работают профессионалы. Я за них ручаюсь, – холодно чеканит кузен. – Тест, я так понял, оказался положительным?

Обреченно киваю, а следом нервно запускаю руку в свои волосы.

– Все равно что-то не так! Да мелкая даже на меня не похожа, – делюсь с братом опасениями.

– И слава богу! В этом ее главный плюс, – издевается Влад, а сам скользит взглядом по Кате и Маше. – Она и на маму, честно говоря, не слишком похожа, – тянет задумчиво, но, поймав мой недоуменный взгляд, добавляет поспешно. – Я имею ввиду, что дети в таком возрасте ни на кого не похожи. Только сами на себя. Вот подрастет немного, и станет понятно.

Смотрю на него недоверчиво, но отвлекаюсь на подошедшего педиатра. Углицкий мгновенно принимает вид стального биг босса. Хочется закатить глаза и подколоть братца, но я держусь. Мне нужна помощь сейчас, поэтому не время подрывать его авторитет забавы ради. Влад сурово дает какие-то распоряжения Ивану Евгеньевичу, пока тот сжимается под черным взглядом и явно мечтает закатиться под плинтус, чтобы его не выколупали оттуда.

Вдвоем они подходят к Кате, спрашивают что-то. А я спешу следом, потому что каменный братец сейчас и «жену» мою запугает до чертиков, знаю я его. Кто потом с Машей сидеть будет?

В какой-то момент педиатр подзывает медсестру, чтобы та забрала ребенка. Катя медлит, не выпускает дочь из рук, а вместо этого вопросительно смотрит на меня. Быстро киваю ей, мол, все в порядке. И после этого, к моему удивлению, она передает Машу врачам.

Не доверяла же мне, ненавидела! Когда все успело измениться? Или это временное помутнение рассудка?

Когда медперсонал удаляется вместе с нашей Машей, сажусь рядом с Катей, но к ней даже не прикасаюсь. Наоборот, сцепив руки в замок, смотрю прямо перед собой.

– Винишь меня, наверное, – озвучиваю неприятные мысли, потому что сам себя виню. – Маша ведь после нашего похода в японский ресторан заболела…

– Нет, Дим, ее вчера стошнило до того, как мы переступили его порог. Маше уже было плохо, – всхлипывает, балансируя на грани истерики. – Это я виновата. Надо было сразу обратить внимание, отреагировать. Такую ответственность на себя взяла. И не справилась, – хнычет, прикрывая лицо ладонями.

Не совсем понимаю, о чем она говорит. К тому же, ее слезы дезориентируют. Обнимаю Катю за плечи, целую в висок – и опять прибегаю к запрещенному приему.

– Котенок, успокаивайся давай. Врачи помогут, – произношу с максимальной уверенностью в голосе.

***

– Не зови меня так, – Катя поспешно стирает слезы и отодвигается от меня.

Зато успокаивается. Говорю же, работает система!

– Маша крещеная? – зачем-то спрашиваю я после затянувшейся паузы.

– Не знаю, – выдыхает Катя, а потом вдруг спохватывается. – То есть… Не знаю, как я сама к этому отношусь, поэтому пока нет. Машу не крестили, – заикаясь, объясняет, при этом устремив глаза в пол. – Не думала, что ты религиозный.

Признаться, я и сам не понимаю, зачем мне вдруг понадобилась подобная информация. Я далек от веры, а крещение воспринимаю всего лишь как что-то привычное в обществе. Родился ребенок, торжественно выписали его с

шариками, покрестили… Какие еще этапы из жизни моей дочери я пропустил? Странно, что меня это вообще волнует.

– Какой же депутат – и без религии? Грехи надо же как-то замаливать, – отшучиваюсь я.

Кстати, говорю почти правду. Многие мои коллеги исправно и при этом демонстративно посещают храм, а по особо большим праздникам обязательно светятся в прессе. Свои рабочие места окружают иконами. Как оберегами какими-то! Причем чем выше должность, тем дороже, помпезнее и больше иконы. Может, и мне пора приобщаться к традиции?

– И как? Помогает? – дерзко вздергивает подбородок Катя.

Узнаю дикую кошку. С возвращением!

– Ну, пока что за мои грехи мне тебя прислали в наказание, – усмехаюсь ехидно.

Мою реплику Катя оставляет без ответа, хмыкает и отворачивается. Но молчание убивает нас обоих. Потому что мы возвращаемся мыслями к тому, что через стену врачи возятся с Машенькой. И Катя не выдерживает первой.

– Хирург через «е», говоришь? Как же так? Довольно прибыльная специальность, – разрывает тишину и мгновенно выводит меня из равновесия.

– Не мое это, – отмахиваюсь и почему-то признаюсь, как на исповеди, ей-богу. – Я чуть пациента не убил, после этого завязал с врачебным делом. А в моем нынешнем амплуа, что бы я ни делал, все равно из-за меня никто не погибнет, – хмыкаю довольно и откидываюсь на спинку дивана.

– Я бы не была так в этом уверена, – еле слышно бубнит Катя.

Мне показалось или в ее тоне опять проскользнули нотки ненависти? Сказала бы хоть, что я ей сделал. Достали эти загадки! Приперлась в мой дом – и тихо ненавидит. Если это ее план мести, то весьма хреновый!

Разворачиваюсь вполоборота, намереваясь серьезно поговорить с Катей. Но она вдруг поднимается и со словами «я на минутку» скрывается за дверями уборной. Знает, что туда я за ней точно не побегу. Хитрая кошка!

Мое внимание отвлекает педиатр. Вот невовремя Катя смылась! Вдруг он сейчас что-то спрашивать будет, а я о Маше ничего не знаю.

– У вашей дочери, – начинает Иван Евгеньевич, а меня коробит от его слов, непривычно, – обычное ОРВИ, и на его фоне – расстройство желудочно-кишечного тракта. Укол сделали, температуру сбили. Выпишем вам все необходимое, объясним, как принимать лекарства. И можете забирать свое счастье домой.

Следом появляется медсестра – и вручает мне Машу. Малышка выглядит гораздо спокойнее. Зевает и прикрывает глазки, явно собираясь уснуть. И где ее мама бродит?

Словно услышав мои мысли, за спиной появляется Катя. Нетерпеливо забирает у меня ребенка и прижимает к себе. Целует порозовевшие щечки, улыбается. Они обе мило выглядят сейчас.

Пока Катя отвлекается на Машеньку, я незаметно вкладываю в карман педиатру сложенную в несколько раз купюру. Знаю, что Влад не одобряет подобной «благодарности». Сам не берет и персонал свой контролирует. Честный, аж противно. Мы с ним как ангел и демон. Думаю, не стоит уточнять, на чьей стороне я.

Успеваю провернуть «авантюру» четко перед появлением братца. Перебрасываемся с ним парой фраз и прощаемся. Наконец-то, могу отвезти Катю с ребенком домой и нормально отдохнуть. Правда, от силы пару часиков, потому что на улице уже светает. Но главное, что все разрешилось.

Когда переживаешь сильный стресс, начинаешь ценить каждую минуту спокойствия.

*История Влада – в книге "Жених с браком" (https://www.litres.ru/veronika-lesnevskaya/zhenih-s-brakom/?lfrom=201227127)

– Почему я? – голос предательски дрогнул.

– Почему нет? Ты красивая, видная девушка и вполне подходишь на роль моей жены. С отчимом твоим легко договориться, и он не задает лишних вопросов. Меня все устраивает.

– У меня уже есть жених! И я люблю его…

– Я предложу твоему жениху хорошую сумму в обмен на тебя, – охнула от такой наглости, но Владислав поднял палец вверх, чтобы я не перебивала. – Если он выберет деньги, то ты согласишься на мои условия и поможешь получить наследство…

***

Владислав Углицкий – монстр в человеческом обличии. Его тело испещрено шрамами, а сердце покрыто шипами. Он появился в моей жизни, чтобы забрать все, что мне было дорого: свободу, любимого человека и надежду на счастливое будущее. А взамен предложил брак. Ему нужна законная супруга, чтобы заполучить наследство своей семьи, и он не остановится ни перед чем, лишь бы достичь цели.

Меня зовут Марина Судьбина. Я должна быть примерной женой для чудовища, но стану его головной болью.

Или исцелением…

ЧИТАТЬ ПО ЭТОЙ ССЫЛКЕ…. (https://www.litres.ru/veronika-lesnevskaya/zhenih-s-brakom/?lfrom=201227127)

Глава 18

На следующий день

Екатерина

Суматошно мечусь по комнате, пока Машенька кричит. От ее плача только сильнее теряюсь. Перебираю лекарства, нахожу порошок, который нужно разбавлять молочной смесью. Вроде ничего не забыла!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/lesnevskaya_veronika/podkidysh-dlya-deputata-vybor-serdca

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити